

ҚОҒАМДЫҚ СЕНІМ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК КАПИТАЛ

атты III Халықаралық конференция

12 желтоқсан 2022 жыл

III Международная конференция

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

12 декабря 2022 год

III International Conference

PUBLIC TRUST AND SOCIAL CAPITAL

12 december 2022 year

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
АЛМАТЫ МЕНЕДЖМЕНТ УНИВЕРСИТЕТІ
АЛМАТЫ МЕНЕДЖМЕНТ УНИВЕРСИТЕТ
ALMATY MANAGEMENT UNIVERSITY

ҚОҒАМДЫҚ СЕНІМ
ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК КАПИТАЛ
атты III Халықаралық конференция

12 желтоқсан 2022 жыл

III Международная конференция
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

12 декабря 2022 год

III International Conference
PUBLIC TRUST AND SOCIAL CAPITAL

12 december 2022 year

УДК 323/324(574)
ББК 66.0(5Каз)
М 43

М 43 III Международная конференция: общественное доверие и социальный капитал. 12 декабря 2022 г. – Алматы: Алматы Менеджмент Университет, 2022. – 52 с.
ISBN 978-601-269-339-3

12 декабря 2022 г. Школа политики и права AlmaU организовала III международную конференцию «Общественное доверие и социальный капитал» в рамках реализации Третьей Миссии. Таким образом, школа способствует дальнейшему укреплению гражданского общества в стране.

Общественное доверие и социальный капитал являются ключевыми основами построения сплоченного и динамичного гражданского общества. Однако, для их развития важно усилить такие факторы, как общественная надежность, отзывчивость, открытость, регулирование, инклюзивность и целостность. В этой связи, университет может действовать как мост, связывающий запросы казахстанского общества с гибкой политикой, продвигаемой государственными учреждениями.

Выдающиеся международные и отечественные деятели из академических кругов, правительства, бизнеса, международных организаций, НПО и СМИ участвовали в мероприятии в качестве докладчиков и обозревателей. Благодаря экспертной оценке проблемы с разных позиций, эта встреча может способствовать распространению инновационных идей и исследований, а также представить новые возможности для сотрудничества.

Одной из целей концепции Нового Казахстана является консолидация общества. Поэтому, для создания единой институциональной модели общественного диалога Президент Казахстана Касым-Жомарт Кемелевич Токаев инициировал созыв Национального курултая, основной повесткой которого является повышение доверия в обществе и формирование социального капитала. Безусловно, III международная конференция «Общественное доверие и социальный капитал» стремится повысить значимость данной повестки и сконцентрировать внимание к вопросу общественного доверия со стороны представителей СМИ, академии и гражданского общества, увеличивая общественную вовлеченность. Данная конференция рассматривает, как существующие возможности для построения конструктивных отношений между странами, государственными учреждениями и гражданским обществом, так и современные вызовы, сдерживающие этот процесс в настоящее время.

III международная конференция «Общественное доверие и социальный капитал» является уникальной возможностью для обмена мнениями, передовым опытом и новыми исследованиями в области изучения общественного доверия и социального капитала.

Конференция направлена на развитие:

- новаторских исследований в области общественного доверия и социального капитала в Казахстане;
- конструктивного обсуждения последних тенденций и практик в сфере общественного доверия и социального капитала;
- новых форм сотрудничества между всеми, заинтересованными сторонами в укреплении гражданского общества в Казахстане.

УДК 323/324(574)
ББК 66.0(5Каз)

СОДЕРЖАНИЕ

Гульнара Куренкеева. Вступительное слово ректора.....	4
Бахытжан Саркеев. Уровень общественного доверия в Казахстане	5
Леонид Гуревич. Методология проведения исследования по оценке уровня общественного доверия.....	9
Рахим Ошакбаев (онлайн).....	12
Дина Шарипова. Детерминанты Доверия в Казахстане	17
Данил Саари	25
Айман Казыбаева. Что чувствуют казахстанцы, вспоминая Qantar?	26
Аскар Нурша. Политические реформы как залог общественного доверия.	28
Уильям Сеитц. Listening to Kazakhstan	31
Ныгмет Ибадильдин. Доверие, лояльность и государство в Казахстане	34
Гульнара Асамбаева. Медийная информационная грамотность для повышения доверия и справедливости.....	38
Назгуль Кожабек. Об истории вопроса по переводу книги	48
Балгын Адильбай. О книге «Сенім»	49

Гульнара Куренкеева

Ректор AlmaU

Кандидат экономических наук, PhD

Модератор

Гульнара Куренкеева: Добрый день, уважаемые коллеги! Мы рады вас приветствовать в Алматы Менеджмент Университете!

Сегодня у нас большой праздник, двойной праздник. Во-первых, мы проводим «III МЕЖДУНАРОДНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ: ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ».

Во-вторых, сегодня – день рождения нашего Алматы Менеджмент Университета, старейшего частного университета в СНГ. Нам исполняется 34 года, мы – самые первые ласточки частного бизнес-образования в бывшем Советском Союзе. Второй подобный университет находится в Украине, и он открылся через год после нас, в 1989 году.

Мы готовились к своему дню рождения, поэтому объявили эту конференцию открытой. Она будет проходить на 3-х языках: казахском, русском и английском. Есть переводы на 3 языка.

Конференция транслируется в прямом эфире на YouTube, а сессия проходит на платформе Zoom. Вы можете выбрать язык, на котором будете слушать, и основная трансляция будет идти в прямом эфире на этом языке.

По числу зарегистрировавшихся на конференцию мы видим, что интерес к ней очень высок. В частности, сейчас на конференции присутствуют: Заместитель Председателя Комитета по делам гражданского общества Министерства информации и общественного развития Арман Рахимжанов и депутат маслихата города Алматы Сана Жандай. Для нас важно, что государство к нам прислушивается и наблюдает за процессами, происходящими в университетах.

Почему темой этой конференции было выбрано общественное доверие? Вы знаете, что доверие, по исследованиям психологов, является базовой характеристикой человека. Оно появляется еще при рождении, затем формируется у каждого человека по-разному. А общественное доверие складывается из всех наших индивидуальных базовых характеристик, и оно является основой существования современного общества в целом.

И на сегодняшний день доверие стало основной проблемой, особенно в условиях такой высокой турбулентности. Как любят говорить наши политологи и историки, мы живем в учебнике истории. Все происходящие события последних двух-трех лет значительно меняют не только геополитику, экономику и нашу с вами жизнь, они меняют сформировавшиеся в обществе устои.

Очевидно, что военные действия на территории Украины, январские события Qantar в Казахстане, пандемия 2020-го года, технологические изменения, быстро меняющие нашу жизнь –

всё вместе это повлияло на систему общественного доверия. И об этом мы сегодня поговорим с нашими экспертами.

Я хочу предоставить слово нашим спикерам.

Первый спикер – Бахытжан Саркеев, Проректор AlmaU по науке. Мы уже второй год подряд заказываем исследование по замеру уровня общественного доверия в Казахстане и следим за тем, как меняется ситуация. Впервые мы представили это исследование в декабре 2021 года. А исследование 2022 года является еще более важным, потому что события, которые произошли в этом году, были очень значимыми.

Бахытжан Курманбаевич, вам слово.

Презентация результатов исследования «Уровень общественного доверия в Казахстане»

Бахытжан Саркеев

Проректор по науке AlmaU

Презентация результатов исследования
"Уровень общественного доверия
в Казахстане"

Бахытжан Саркеев: Здравствуйте, дамы и господа. Уважаемые участники нашей конференции, я выступлю на казахском языке. Добро пожаловать! Наша конференция посвящена ОБЩЕСТВЕННОМУ ДОВЕРИЮ И СОЦИАЛЬНОМУ КАПИТАЛУ. Я собираюсь представить вам свой отчет о результатах исследования, которое мы провели в сотрудничестве с Bisam. Мы занимаемся этим исследованием уже 3 года. И в этом году решили представить результаты исследования на казахском языке, потому что считаем, что, если мы будем чаще использовать казахский язык в социальных отношениях, то это приведет к увеличению уровня общественного доверия в нашей стране.

Прежде всего, я хотел бы интерпретировать понятие доверия. По мнению Эдельмана Троста: «Доверие – важнейший инструмент, формирующий отношения между обществом и институтами». Более того, по-английски это называется «конечная валюта» или «абсолютная валюта» и может считаться инструментом, который не имеет ценности, который превышает всех богатств. Следовательно, доверие – это основное средство коммуникации между обществом и учреждениями.

Доверие можно рассматривать как открытые отношения, основанные на надежности и порядочности другого человека. А по Фукуяме доверием можно назвать отношения простых людей, не знающих друг друга, которые общаются вне семьи или без вмешательства государства. Сегодня мы представим книгу Фукуямы в переводе на казахский язык. На первой странице этой книги я увидел следующие замечательные слова: «Основа общества – вера, а основа веры – культура».

Поэтому любое общество основано на вере, а любая вера основана на культуре.

По словам российского ученого Александра Аузана: «В основном доверие влияет на экономическое развитие. Если мы поднимем уровень доверия, мы придем к увеличению валового внутреннего продукта».

А социальный капитал – это капитал, определяющий уровни социальной коммуникации, при которой люди общаются друг с другом и, соответственно, помогают друг другу.

Мы провели опрос, чтобы определить уровень доверия в стране. Опрос проводился по методологии «Барометра доверия Эдельмана». В опросе приняли участие 1150 человек. Среди них 200 человек – это люди с высоким уровнем дохода и информацией по всем вопросам.

А остальные 950 человек, можно сказать, в большинстве своем обычные люди. Вот почему нам знакомы мысли этих людей. Сейчас, согласно исследованию «Edelman Trust Barometer», такой опрос проводился в 28 странах. К сожалению, Казахстан не вошел в это число. Но мы можем видеть место, которое занимает Казахстан по уровню доверия. Наша страна входит в число стран с самым низким уровнем доверия. Как вы можете видеть в целом, есть некоторые развитые страны, такие как США и Южная Корея, тоже имеющие низкий уровень доверия. Почему? Потому, что в этих странах требования людей к бесплатным учреждениям очень высоки. И в последние годы доверие к правительству этих стран снизилось. Это можно объяснить. Теперь у нас есть институты социального развития. Мы уже говорили, что институтами социального развития являются бизнес, СМИ и правительство, а также НПО или гражданское общество. У нас высокое доверие к бизнесу, как вы видели, но у нас низкое доверие к НПО или гражданскому обществу. Это значит, что у нас гражданское общество не очень развито. Поэтому мы должны уделять больше внимания гражданскому обществу.

И среди всех политических институтов наш народ в основном доверяет президенту и вооруженным силам. Исследование показало, что наши люди не доверяют местным властям, политическим партиям, судам и правоохранительным органам. Поэтому, конечно, мы должны уделять этому вопросу больше внимания. Насколько мне известно, за последние десять лет наше правительство и президент провели много реформ. Однако, они не дали существенных результатов, поэтому необходимо провести более эффективные реформы в указанной сфере.

Я упомяну ряд стран, где были проведены аналогичные опросы по этой методике. Вопрос был в том, насколько люди в этих странах доверяли своим правительствам. Однако, следует отметить, что в этом году все люди, участвовавшие в нашем опросе, проявили низкое доверие ко всем правительствам, особенно в России и Германии. В прошлом году в России, когда люди отвечали на этот опрос, наблюдался самый высокий уровень доверия к правительству и президенту. Поскольку в этом году, как вы знаете, произошел конфликт между Россией и Украиной, то мы думаем, что именно это в большей степени повлияло на уровень доверия. Более того, поэтому доверие городских казахов к России снизилось. В этой связи можно понять, почему казахи среднего класса отрицательно относились к Германии, а люди, проживающие в сельской местности, отрицательно относились к Китаю. Тогда становится понятно, что доверие к правительству США выросло, безусловно, благодаря молодежи. Как вы видите, уровень доверия к правительствам многих стран, кроме США, снизился.

Далее мы хотели определить уровень доверия между людьми. По нашим результатам, в этом году большинство респондентов высказались о том, что им следует быть осторожными с другими людьми. Но хорошо то, что, по сравнению с прошлым годом, количество людей, которые говорят: «Вы должны быть осторожны», уменьшается, а количество людей, которые говорят: «Вы можете доверять друг другу», увеличивается. То есть мы показываем, что способность нашего народа к объединению развивается. Поэтому мы считаем это хорошим результатом.

Если говорить о лидерах вообще, то наши люди в основном доверяют ученым. Это хорошо, но, к сожалению, доверие к сотрудникам и коллегам достаточно низкое. Мы считаем, что это влияет на трудовые споры на рабочих местах и в организациях. Поэтому мы, безусловно, пола-

гаем, что необходимо сосредоточить внимание на таких вопросах, как охрана и условия труда работников на рабочих местах и в организациях. Хотя уровень доверия к СМИ в целом низкий, мы видим, что уровень доверия к социальным сетям в последние годы растет, тем более, как вы видите, социальные коммуникации называются «социальными сетями».

Существует понятие информационной гигиены. Это то, сколько информации мы получаем отовсюду. С некоторых пор мы постоянно получаем и анализируем эту информацию. Например, мы знаем, что правильно, а что – нет. То есть только 24% тех, кто принял участие в нашем опросе, соблюдают информационную гигиену. Большинство же наших граждан доверяют любой информации и иногда сталкиваются с проблемой спонтанного получения больших потоков информации. И, по мнению большинства людей, наши СМИ недостаточно объективны. Это, конечно, очень печально.

И, самое главное, мы хотели бы понять причины социальной дифференциации казахстанцев в нынешних социально-экономических условиях страны. Например, мы задавали следующий вопрос: «Какие социальные проблемы вы считаете наиболее острыми?» Среди самых острых проблем были названы рост цен и инфляция. Мы все это знаем и можем согласиться с этим. Проблемы системы здравоохранения отметили во вторую очередь. Затем следует снижение уровня доходов населения и коррупция. Надо отметить, что наше правительство посвятило много программ этим вопросам, но данные программы были не эффективны.

Поэтому мы считаем, что необходимо найти новые решения этих проблем. Например, 60% ответивших на пятый вопрос опасаются повторения январского инцидента. То есть, если мы посмотрим на январские события, то, к сожалению, увидим, что у нас разные мнения по этому вопросу. Но количество тех, кто считает, что январские события было попыткой государственного переворота, уменьшилось, и сейчас большинство людей считает, что январские события были мирным протестом граждан. Поэтому люди ждут настоящей правды и информации от правительства и государства о январском происшествии.

А во время опроса этим летом в Казахстане был проведен референдум по конституционным изменениям, и, как видите, большинство народа поддержало конституционные поправки, по которым родственникам и друзьям президента будет запрещено занимать должности. Более того, граждане отметили, что власть должна быть не сконцентрирована в центре, а распределена по всей стране.

И на вопрос: «Как вы видите свою личную жизнь в ближайшие 2-3 года?» большинство опрошенных ответило оптимистично. Это свидетельствует о том, что наш народ смотрит в будущее с надеждой. Поэтому, конечно, мы должны радоваться такому отношению народа. На этой хорошей ноте я хотел бы завершить свой доклад. Спасибо.

Гульнара Куренкеева: Бахытжан Курманбаевич, спасибо.

Если у кого-то из вас есть вопросы, вы можете написать их в Zoom или YouTube. Также будет возможность задать вопросы из зала во время сессии. Вообще, радует, что в стране есть доверие к ученым и исследователям. Это говорит о том, что статус науки в нашем обществе высокий, и к научным исследованиям люди относятся с доверием. И, конечно, важным моментом является методология исследования. Насколько она верна? Насколько она правильна? Насколько она отражает реальное положение вещей? Можно ли доверять этим исследованиям? Поэтому для второго доклада мы хотим предоставить слово Гуревичу Леониду Яковлевичу.

Вопрос из зала: Можно вопрос?

Гульнара Куренкеева: Да, конечно.

Вопрос из зала: У меня вопрос к Бахытжану Курманбаевичу. Огромное спасибо за интересный доклад. Какой именно опросник вы брали для изучения вопроса уровня общественно-

го доверия и социального капитала в Казахстане? Я спрашиваю потому, что несколько лет назад при помощи и поддержке Всемирной организации здравоохранения я проводила такое исследование в Казахстане, так как являюсь экспертом ВОЗ. После вашего ответа хотела бы рассказать о наших изысканиях, о том, что мы определили. Спасибо.

Гульнара Куренкеева: Алтынай Айбековна, большое спасибо, как раз-таки Леонид Яковлевич будет говорить о методологии нашего исследования и о том, как мы его провели. Давайте сделаем таким образом: к вопросам перейдем позже – у нас будет специальная сессия с вопросами и ответами. А сейчас послушаем основных докладчиков. Леонид Яковлевич Гуревич – известный социолог, доктор исторических наук, профессор AlmaU, которым мы очень гордимся, и президент исследовательского агентства «BISAM Central Asia». Это – очень известное агентство, мнению которого мы доверяем и к которому прислушиваемся. И в этом году наши исследования проводило именно агентство «BISAM Central Asia».

Леонид Гуревич: Уважаемые коллеги, прежде всего я хочу сделать две ремарки. Первая: спасибо за лестное представление моей персоны, но я боюсь, как бы оно не породило завышенные ожидания. У меня сегодня будет очень скромный доклад, посвященный методологии исследования, которую использовала наша исследовательская компания «BISAM Central Asia». Вообще-то, я себя всегда позиционирую в первую очередь как профессора AlmaU, а затем уже как президента исследовательской компании «BISAM». Я горжусь тем, что более 20 лет являюсь профессором этого замечательного университета.

Вторая ремарка: я все-таки хочу вернуться к своей высокой оценке. Здесь сидит Айнар, которая старательно показывает: «Осталось три минуты, осталось две минуты» и так далее. Значит, сразу же, Айнар, прошу сделать мне пенсионную скидку, то есть в случае чего дать дополнительно 3-5 минут.

Уважаемые коллеги! В ходе своего краткого и вместе с тем емкого доклада Бахытжан Курманбаевич раскрыл также и основы методологии. Я сразу хочу ответить на вопрос из зала, чтобы он, что называется, не висел в воздухе. Анкета разрабатывалась по образцу того проекта, который, в свою очередь, послужил образцом методологии данного исследования (об этом было сказано) – исследования Edelman. Но это исследование не воспроизводило полностью анкету Edelman, она была адаптирована и актуализирована, то есть в ней была учтена специфика Казахстана и в ней ставились вопросы, которые затрагивали актуальные для нас проблемы и позволяли респондентам оценить свое отношение к важнейшим текущим событиям. Я ответил на ваш вопрос? Спасибо большое.

А теперь по поводу методологии. Вообще-то, как правило, мы строим освещение результатов исследования так: сначала раскрываем методологию, а потом уже говорим о результатах. Но спасибо Бахытжану Курманбаевичу, он сумел за короткое время раскрыть и основы методологии. Я позволю себе сказать о них более подробно. Пожалуйста, включите нашу презентацию, которая называется *«Методология проведения исследования по оценке уровня общественного доверия»*.

Гульнара Куренкеева: Сейчас в зале находится более 70 человек, в Zoom слушает 25 человек и идет трансляция по YouTube. Больше ста человек присутствует на нашей конференции.

Мы очень рады приветствовать присутствующую в зале общественного деятеля Тогжан Кожалы и ректора Международного Казахско-Турецкого университета имени Х.А.Ясави Жанар Темирбекову, которая специально приехала к нам на конференцию.

Леонид Гуревич

Доктор исторических наук, профессор
социологии

Президент «BISAM Central Asia»

О методологии проведения исследования
по оценке уровня общественного доверия

Леонид Гуревич: Ну, хорошо, давайте я все-таки начну. Здесь в зале также находится Анастасия Саблина, которая руководила этим исследовательским проектом, и она может принять участие в ответах на вопросы.

Ну, а пока слайдов нет, давайте я задамся вопросом: «Почему «Edelman Trust Barometer» послужил образцом для методологии нашего исследования?»

Вы, наверное, прекрасно знаете, что измерение доверия – это классический компонент большинства опросов общественного мнения. Я бы выразился даже так, что это – самый старый и самый ходовой товар, который предлагает обществу прикладная социология.

Но чем методика Edelman отличается от многочисленных методик замера общественного доверия, которые регулярно освещаются и публикуются? Она операционализирует понятие категории доверия, расшифровывает его и структурирует те измеряемые показатели, которые мы получаем. Делается это с помощью индексов. Вот здесь мне очень пригодились бы слайды, но они пока не появились. Поэтому я хочу назвать эти индексы, чтобы мы имели о них представление и понимали их содержание.

Во-первых, ключевой индекс – это индекс доверия к институтам.

Вот, замечательно, появились слайды. Еще раз вернусь чуть назад. Методология Edelman проекта «Edelman Trust Barometer» осуществляется с 2001-го года, она успела завоевать себе уже значительный авторитет в профессиональных и в общественных кругах и охватывает 28 стран. Казахстан не входит в это число, нас не включили в перечень. Но, как говорится, «Если гора не идет к Магомету, то Магомед идет к горе», мы сами в него включились благодаря инициативе AlmaU, использовали эту методику и теперь имеем возможность сравнивать с индексом Edelman в целом – мировым показателем, и с отдельными странами, которые входят в это исследование. А это – 28 стран, я обращаю ваше внимание. Почему сравнение с общим мировым индексом является корректным? Потому что в числе этих стран представлены практически все ареалы нашей планеты и все уровни государств: развитые, среднеразвитые, развивающиеся, слаборазвитые и так далее. Представлены все уровни государств, поэтому мы имеем возможность сравнения. Ну, а в этом году мы получили возможность также и ретроспективного сравнения внутри Казахстана, то есть с показателями прошлого года.

Позвольте мне очень кратко пройти по этим индексам, я не буду вас утомлять методиками расчета. Начнем с ключевого индекса – индекса доверия института. И – обратите внимание – он имеет уровневую структуру, которая отличается от наших традиционных замеров доверия.

Обычно мы делаем замер доверия, публикуем рейтинг: вот столько-то процентов (например, 90 процентов) доверяет такому-то институту, а всего лишь 20 процентов доверяет такому-то институту. И все время говорим о доверии. А в методике «Edelman» менее 50 процентов – это недоверие. То есть если менее 50 процентов доверяет тому или иному институту, это означает, что общество данному институту не доверяет. Мне кажется, что это очень показательно, и это создает нам, действительно, реальную картину, от которой мы можем отталкиваться в нашей политике, идеологии, экономике и так далее.

Другой индекс – это обобщенный индекс доверия. Здесь говорится уже не о доверии к институтам, а о доверии людей друг другу, к различным группам. Возникают вопросы: «Стоит ли доверять людям полностью?», «Стоит ли с ними быть осторожными?» и так далее. И получаются довольно интересные показатели. Что касается, опять же, доверия к институтам, этот индекс расшифровывается. Индекс компетентности института вычисляется на основе вопроса, насколько хорошо справляется этот институт со своим делом.

Далее у нас идет индекс этичности института. Пожалуйста, подумайте о том, почему вы доверяете или не доверяете конкретному институту. Скажите, как бы вы его охарактеризовали по четырем характеристикам: «целеустремленность», «честность», «видение будущего» и «справедливость»? И еще индекс этичности института тоже имеет свои вопросы. Например: «Служит ли данный институт интересам только определенных групп людей или всех людей на основе равенства и справедливости?»

Я думаю, тут надо упомянуть еще один индекс, который присутствует в методике «Edelman», индекс информационной гигиены. Этот индекс и результаты замера по нему очень хорошо были раскрыты в предыдущем докладе, я не буду на этом детально останавливаться, но здесь мы оперируем такими категориями, как «постоянная информированность», «осведомленность о разных точках зрения» и «проверка информации».

Я хотел бы подчеркнуть, что наше исследование, которое мы скромно назвали «AlmaU Trust Barometer», носит, как мне кажется, очень удачное название.

Вообще, «AlmaU Trust Barometer» отличается от исследования «Edelman». В нем есть и общие точки соприкосновения – измеряются такие показатели как «уровень общественного доверия», «уровень доверия институтам», «уровень доверия социальным лидерам», «определение консолидирующей роли института в обществе», «определение уровней социальных страхов и обеспокоенности», «отношение к медиа», «информационная гигиена». Но мы конкретизировали «доверие к институтам», замерив «доверие к нашим политическим институтам». Конкретно – к казахстанским политическим институтам, к нашим органам исполнительной, законодательной и судебной власти. Доверие к правительствам ряда стран является обобщенным, поэтому мы несколько расширили эту категорию, замеры «межличностное и межгрупповое доверие».

Далее мы актуализировали проблематику, с помощью которой измеряются обеспокоенность и страхи людей. Мы сюда включили наиболее актуальные проблемы, начиная с роста цен и тарифов, влияние на Казахстан мирового экономического и политического кризиса и кончая страхом перед повторением январских событий. Этому были посвящены соответствующие вопросы. И, наконец, мы с помощью специальных вопросов в анкете создали возможность для интерпретации респондентами основных, наиболее важных текущих событий. В предыдущем докладе об этом говорилось, это была интерпретация январских событий и ключевых изменений в Конституцию Казахстана.

Я завершаю, уважаемые коллеги. Мне осталось три минуты по пенсионной скидке. Я не буду этим злоупотреблять. Хочу лишь добавить, что я долго распространялся о достоинствах нашей методологии и теперь надо сказать о ее недостатках, а точнее – об ее ограниченности.

В чем главная ограниченность этой методики? Позволяя по большинству показателей получить ответ на вопрос: «Что это значит?», исследование не может дать нам ответ на вопрос, почему происходят такие изменения. Здесь, конечно же, нужны глубокие дополнительные ис-

следования, главным образом, с помощью качественных методов. А без них мы можем рассуждать только на уровне гипотез. И какие вопросы позволяют нам сейчас выдвигать гипотезы?

Главный показатель, который дает наш замер, очень неутешительный. Давайте мы отвлечемся от нашей традиционной оговорки «А у других еще хуже». Показатель такой: свыше половины казахстанцев не доверяют ни политическим партиям, ни общественным организациям, ни местной, ни судебной власти, ни правоохранительным органам. Только два института у нас имеют доверие по шкале «Edelman»: президент (я подчеркиваю – президент как институт) и вооруженные силы. Нейтральная позиция – у правительства и у парламента. К такому результату комментарии излишни, хотелось бы ответить на этот вопрос и уточнить, с чем он связан.

И здесь можно высказаться только на уровне гипотез. Такой уровень недоверия может быть связан либо со слабой информированностью о деятельности этих институтов, либо с их реальными результатами, которые становятся широко известны, либо с конкретным опытом людей, либо сформированными в обществе стереотипами. Еще последний момент: вы видели, что у нас в Казахстане вырос уровень общественного доверия по сравнению с прошлым годом. Тема нашей секции – кризис доверия в условиях турбулентности. Предполагается, что в условиях турбулентности доверие к институтам должно падать. Оказалось, что это не так.

Какие гипотезы здесь можно выдвинуть? Скорее всего, люди ищут опору, и в обществе растет сплоченность. Это подтверждается тем, что Казахстан оказывается в мировом тренде. То есть, начиная с 2017 года, индекс «Edelman» растет. В прошлом году он находился на уровне предыдущего года, но он растет. Вот такая мировая тенденция. И возникает море вопросов: «А почему это происходит?», «А как это объяснить?» и так далее. Вообще, всегда исследование доверия вызывает недовольство. Кто-то недоволен слишком низким показателем, кто-то недоволен слишком высоким показателем. Но я думаю, что всему этому можно найти объяснение. Я надеюсь, что найдутся средства на целый комплекс качественных исследований, которые необходимы для этих объяснений. А наша конференция, действительно, сможет, как это и указано в ее позиционировании, задать повестку дня для дальнейших исследований и обсуждений. Спасибо за внимание.

Гульнара Куренкеева: Леонид Яковлевич, большое спасибо, во-первых, за «AlmaU Trust Barometer». Мы, действительно, стеснялись использовать такое выражение, но при этом третий год подряд поднимаем эту тему, сами проводим это исследование и считаем своим долгом показывать методологии исследования, а также влиться в глобальную исследовательскую повестку. И спасибо за то, что показали нам новые горизонты, как и куда можно расширять эти исследования. Конечно, мы понимаем, что, как отдельный институт, не можем претендовать на очень широкие и глубокие исследования. Но это – наша будущая перспектива, если мы видим в этом значимость. Наш вклад в развитие гражданского общества – проведение такого исследования, позволяющего увидеть ситуацию в Казахстане. Я думаю, что таким образом наша задача будет выполнена.

Ну, а я хочу представить вам следующего спикера, который специально прилетел на нашу конференцию из Астаны. Это – Рахим Ошакбаев, директор центра прикладных исследований «Талап», эксперт, экономист, человек, который широко известен благодаря своим интересным идеям по цифровой демократии, по развитию казахстанского гражданского общества. Рахим, вам слово.

Рахим Ошакбаев

Директор Центра прикладных исследований «Талап»

(онлайн)

Рахим Ошакбаев: Спасибо большое. Мы скоро перейдем к дискуссии, к обсуждению. В первую очередь, позвольте вас искренне поздравить с важнейшей датой. Я только сейчас узнал, что вы являетесь старейшим частным предпринимательским университетом на всем постсоветском пространстве. Я думаю, что об этом должно знать гораздо большее количество людей.

И второе – несомненно, ваша попытка и ваш вклад абсолютно бесценны. Наверное, важнейшая вещь, которая сейчас стоит на повестке дня и является ключевым вопросом – это сохранение и укрепление нашей государственности. Это, все-таки, вопрос доверия к политическим институтам и к системе. И базовый вывод, с которым, я думаю, аудитория в целом субъективно согласна, что, к сожалению, за последнее время доверия почти не прибавилось, и можно констатировать, что у нас сейчас ситуация недоверия.

Причем, интересно и очень примечательно, что вы сделали опрос в отношении ключевых событий. Безусловно, случившийся в январе 2022 года инцидент, это, наверное, самое трагическое событие за всю историю Независимости. И в том, как изменилась оценка доверия, начиная с февраля 2022 года, сразу после событий, и в том, какая она сейчас, мы видим динамику. Потому что, к сожалению, снижается доверие к официальной версии и растет восприятие этой ситуации совершенно в другом ключе. И я просто боюсь, что, чем дальше будет продолжаться ситуация, тем сильнее эти показатели будут расширяться.

В качестве вклада в дискуссию хочу сказать, что в октябре-ноябре прошлого года наш центр проводил большое исследование по разработке формирования нового социального контракта для Республики Казахстан и исследование ценности установок казахстанского общества. Мы его делали совместно с Институтом национальных проектов, под руководством Александра Александровича Аузана. У нас было 3495 респондентов, мы их всех опрашивали Face to Face. Не будучи профессиональными социологами, мы, экономисты, с точки зрения институциональной теории тоже в какой-то степени сильно пересекаемся с социологами. И меня всегда смущала генерализация. То есть очень важно обобщение того, какие ценности важны для казахстанцев. И в волне ценностей отмечалось, что важнее всего сейчас ценность семьи.

С другой стороны, мы выдвинули иную гипотезу в рамках исследования ещё два года назад о том, что Казахстан сейчас становится разным. Регионы, страты, население друг от друга отделяются, и, соответственно, вопрос, который тоже логично поставить помимо обобщения: «А насколько варьируются и различаются ценности среди разных страт населения?» И, в рамках вашего исследования, думаю, дальнейший шаг, который может быть сделан – узнать, насколько отличается уровни доверия к институтам в различных стратах.

Мы позволили себе вместе с коллегами, работающими на экономическом факультете МГУ, сделать обобщение в рамках предложений для властных органов по формированию устойчивого социального контракта. Это было актуально год назад. Безусловно, с этого момента многое изменилось, и очень четко исследование показало деление казахстанцев по ценностям на три категории. Условно их назвали как «модернистский Казахстан», «постсоветский Казахстан» и «Казахстан традиционный».

К сожалению, это исследование мы не опубликовали. Мы постараемся получить возможность его опубликовать. Мы думаем, что это тоже будет вклад в заявленную тему. Но базово основные выводы, которые я вижу, пересекаются, они практически идентично сходятся. Что интересно – в Казахстане средний уровень социального капитала межличностного доверия примерно сопоставим с Германией, при этом он заметно выше, чем в России, но ниже, чем в Австралии, Канаде и Норвегии.

Следующая ценностная специфика по методике Шварца: низкие ценности самостоятельности, сравнительно высокие ценности власти гедонизма и традиционализма. В то же время было бы интересно наблюдать это в динамике. Мы надеемся это исследование в следующем году повторить. Увидеть разбег ценностей среди разных страт населения, насколько он усиливается либо сохраняется, потому что ключевые ценности в разных Казахстанах отличаются. Для модернистского Казахстана важнейшими являются ценности Свободы, для традиционалистского и постсоветского Казахстана – ценности справедливости, для постсоветского Казахстана – ценности патернализма и, соответственно, дистанция власти.

Что еще важно сказать, когда мы говорим про доверие к институтам и доверие к инструментам? Я думаю, гипотеза, которая имеет место быть, связана с тем, что в Казахстане достаточно высокий уровень социального капитала с точки зрения доверия своей социальной стра-те. То есть, во всяком случае, во время двух больших потрясений – ковида с пандемией и январских событий, многие казахстанцы видели, что в критических ситуациях, когда все властные институты провалились, они смогли положиться только на своих знакомых, либо знакомых своих знакомых.

И для меня большим феноменом стали мессенджеры, чаты, которые позволяют очень быстро получать ресурсы, консультации, материальную и финансовую поддержку. Соответственно, это что-то новое. Мы начали общаться с людьми, которые занимаются нетворкингом, и они четко определили, что мессенджеры между собой сильно отличаются. То есть мессенджеры и группы в Telegram так не работают, как WhatsApp группы, и ключевое отличие связано с тем, что Telegram-группы позволяют быть анонимными, а WhatsApp группы – не позволяют.

Уровень доверия внутри WhatsApp группы и уровень тех коммуникаций, которые там есть, несомненно выше. Есть профессиональные нетворкеры, которые собирают по Казахстану большое количество групп, в том числе Арман Сатимов, у которого свыше 20 WhatsApp групп. Он занимается этим профессионально под брендом «Kazakhstan Never Sleeps», собирая систематически отраслевые и региональные группы. Люди очень быстро получают поддержку, советы, информацию и так далее. Так вот, он установил то, что Telegram не работает, и таким образом деанонимизация очень сильно влияет на повышение уровня социального доверия. И еще дам беглый, обывательский взгляд на то, как это сейчас в других странах. В других странах такого феномена, как публичные общественные WhatsApp группы, не наблюдается.

Таким образом, возможно, мы, исследователи, должны обратить внимание на то, куда канализируется потребность граждан в тех самых институтах (в том числе – в институте репутации), которые мы не получаем от действующих политических институтов. Возможно, она уходит в мессенджеры.

В завершение я хотел бы сказать, что низкий уровень общественного доверия социально-го капитала и низкий уровень доверия к незнакомцам, в первую очередь, связаны с неработающими или плохо работающими институтами по принуждению к соблюдению контрактов с низким уровнем доверия и объективного доверия к институтам правоприменения, к судам. Соответ-

ственно, люди не могут найти должной правовой оценки любому оппортунистическому поведению, когда один незнакомец ведет себя оппортунистически и обманывает другого своего контрагента. И, таким образом, если этот человек нам незнаком, то мы ему будем мало доверять.

Практические выводы из вашего исследования, я думаю, дают большое пространство для того, чтобы размышлять и что-то менять. Я могу даже попробовать проинтерпретировать, что те намерения, которые предпринимаются после январских событий, пока не дают видимого результата. Спасибо.

Гульнара Куренкеева: Большое спасибо. Да, мы как раз, когда увидели результаты исследования, поняли, что это ощущение витает в воздухе, что в обществе есть потребность в разъяснении четкой государственной политики, что же произошло в январе. Ведь мы все-таки до сих пор не получили явного ответа. И исследования как раз-таки показывают, что до сих пор этот вопрос открыт.

Сегодня во второй сессии мы представим еще одно исследование, которое тоже сделал наш университет – нейробиологический анализ реакции на эти события. Мы попытались с разных сторон зайти к этой теме. Но, я думаю, что как раз это и есть вклад учёных – углубление в понимании данной ситуации.

Рахим Ошакбаев: Безусловно, нужно строить коалицию с экспертами – с вами, с другими университетами. И, помимо социологии, необходимо также на стол дискуссии класть и другие результаты. Как минимум, у нас в этом году было два больших плебисцита. Это – выборы президента и референдум. Соответственно, показатели по явке, региональному развитию, по результатам самого голосования, которые дают Независимые Наблюдатели, могут тоже дать очень большую пищу для размышлений. Ну, допустим, взять город Алматы, в котором была невероятно низкая явка. О чем это говорит? Это подтверждает реальное отсутствие доверия, очень низкий уровень доверия к результатам политического процесса. А впереди у нас – следующие выборы, парламентские, невероятно сложные (по 5 бюллетеней соответственно) в условиях низкого доверия к политическим партиям, к правительству, парламенту и маслихатам. Какими будут результаты и последствия предстоящих выборов? Интересный вопрос.

Гульнара Куренкеева: Спасибо большое. Очень интересная дискуссия. Давайте, я думаю, что мы сейчас продолжим и обязательно остановимся на всех вопросах. А следующим нашим спикером является тоже известный эксперт в Казахстане, Президент общественного фонда «Центр социальных политических исследований «Стратегия»». Гульмира Илеуова, пожалуйста, слово вам. Ваше мнение о ситуации с общественным доверием в Казахстане.

Гульмира Илеуова: Спасибо за приглашение. Поздравляю университет с днем рождения! Я была на первой конференции, она проходила в степях Северного Казахстана. И, несмотря на критику госорганов, акимат смог мне в степи организовать связь, хотя в Северном Казахстане слабый интернет. Я тогда вышла и послушала выступления.

Сейчас мне очень сложно выступать, поскольку передо мной были прекрасные доклады. Я хочу сказать насчет того, был ли результат после январских событий. В течение года мы проводили исследования. И вот вчера я дописывала один из отчетов и увидела, что, несмотря на то, что социально-экономическая ситуация ухудшилась, социальное настроение в стране улучшилось. Я думаю, что Qantar был разрядкой напряженности, которая копилась на протяжении предшествующего периода времени.

И, когда говорят о том, что у нас в январе могут повториться подобные события, я считаю, что это – некачественная аналитика и слабое прогнозирование. В стране уже другая ситуация. В частности, данные моего центра за более, чем 20 лет, подтверждают, что у нас есть проблема с напряжением в обществе. И период спокойствия примерно в 8-10 лет стал укорачивать-

ся, но, тем не менее, не до ежегодных взрывов. Поэтому надо быть более мудрыми в принятии решений. Например, решение о том, чтобы распустить студентов перед сессией, было некомпетентным. Прогнозирование подобных процессов должно быть на более высоком уровне. Я в целом не очень люблю тему, связанную с доверием, поскольку она плохо проработана, тезаурус слабый.

Мы сейчас на выступлениях скачем с уровня на уровень. Леонид Яковлевич показал, что есть два уровня – межличностный и институциональный. Мы, соглашаясь этим, тем не менее, когда обсуждаем, постоянно производим подмену. И поэтому сложно анализировать то, о чем, вообще, идет речь. Сейчас я в своем выступлении из-за того, что уже столько выслушала, буду реагировать на высказанные соображения и проявлю грубый социологизм, поскольку я – социолог, и у меня есть свои наблюдения. К сожалению, эти наблюдения я не могу транслировать, поскольку заказы, которые мы выполняем, практически все в этом году закрытые. И несколько из них было связано с изучением доверия в обществе.

В первой презентации было представлено несколько определений доверия. Я исхожу из того, что доверие – это определение, тесно связанное с понятием недоверия. Доверие возникает как реакция в условиях неопределенности и невозможности планирования жизни. Если люди не понимают, что будет в ближайшем будущем или в перспективе, в которой они привыкли обычно планировать, у них компенсаторно возникает чувство доверия. Это – слабая позиция, даже можно сказать – инфантильная, поскольку она предполагает, что ответственность за будущее перекладывается на некий институт или еще на кого-то. Это подтвердилось в фокус-группах, когда мы изучали настроение во время пандемии, и многие говорили, что люди стали грубые, злые, не доверяют друг другу.

Одна из причин этого – люди потеряли уверенность в будущем. И как только эта уверенность начала формироваться, практически с 2021 года, а в 2022-м году наблюдалась особенно сильно, мы заговорили о том, что уровень доверия стал расти. Я напомним – у нас уровень доверия президенту в декабре 2021 года был 48 процентов, сейчас же, по нашим данным, больше 70 процентов. И наши данные совпадают с данными о выборах, которые мы получили. Доверие как социальный инструмент, если мы говорим именно об общественном доверии, не исчезает, а переходит на свою вторую сторону – недоверие, как это было уже сказано, либо, если мы рассуждаем в категориях общественного доверия, переходит на межличностный уровень, чаще всего на уровень семьи.

И как обратная сторона происходят снижение уровня доверия. Мы уже с Леонидом Яковлевичем как-то эту тему обсуждали. В момент, когда люди говорят, что их доверие к институтам снизилось, все начинают говорить о том, что в трудной ситуации полагаются на себя и своих близких. То есть это переход на более активную жизненную позицию. Посмотрите в первой презентации, где находится Казахстан и кто в лидерах рейтинга доверия. Лидируют Китай, Объединенные Арабские Эмираты и прочие страны, где уровень коллективизма (назовем это так) высокий. А где находился Казахстан? Рядом с США. Как определить: мы – передовики, потому что рядом с США, либо у нас какие-то проблемы, потому что мы не рядом с Арабскими Эмиратами? Все-таки это – очень важный момент, на который мало обращается внимания.

Существует определенная стереотипизация понятия доверия, словно это нечто очень хорошее и неисчерпаемое. Как будто бы то, что ты один раз приобрел, или кто-то приобрел, или институт какой-то приобрел, не имеет права меняться, потому что это плохо. Но тогда у меня возникает вопрос: если мы видим такие динамики доверия (Показателем доверия, например, в отношении института президента в декабре было 48%, а доверие президенту Назарбаеву, поверьте, было 93 %!) и такие колебания, то как можно на этих данных выстраивать теоретические модели? Как вообще можно это понимать? Мы сталкиваемся с очень ситуативным поведением граждан, которые склонны под доверием понимать что-то другое, судя по всему. Поэтому я в последние годы не практикую понятие доверия, не использую понятие до-

верия в оценке или в описании отношения к институту. Я говорю «одобрение деятельности», «удовлетворенность работой», но именно доверие, которое несет личностный, психологический, этический момент, это определение или понятие, которое требует размышления перед тем, как его применять. Потому что, если доверие меняет в течение полугода свой знак с минуса на плюс или показатель можно нарастить на 30-40 процентов, это очень странный показатель, и он меня беспокоит.

Я хорошо вижу (и об этом тоже было сказано), что показатель доверия повысился. Несмотря на то, что недоверия у нас больше, чем доверия, я подтверждаю, что, на самом деле, у нас тоже эти данные есть, но не в таких размерах, как показал Леонид Яковлевич. Мы используем другую шкалу, но, тем не менее, показатель недоверия по нашим данным тоже выше, чем показатель доверия. Но все-таки это еще связано с другими вещами, которые я уже слегка упомянула. Психологическими, в частности. Давайте тогда более предметно говорить на эти темы.

В межличностном отношении понятно, что, если ты обманул человека и потерял его доверие, то вполне вероятно, что ты потерял его навсегда. То есть доверие, про которое мы говорим, это – очень сложная вещь, и, чтобы его заработать, надо сильно постараться. Пройдут годы, если не десятилетия, даже между близкими родственниками отношения доверия могут испортиться очень быстро.

И по поводу социального капитала я не могу сказать, как связаны эти явления, потому что социологически мы операционализацию этих двух понятий не делали, такого заказа у нас не было. Но хорошо видно, что социальный капитал, трактуемый мною как «социальные связи», хорошо работает в малых группах. Мы наблюдали это особенно в Северо-Казахстанской области. Там есть такие «дважды переселенцы». Это – те люди, которые переселились в Алма-тинскую область из Китая, например, а потом в рамках госпрограмм они переселились в Северо-Казахстанскую область. Уровень сплоченности социальных связей у них крайне высокий. И им не интересна местная община, они ее игнорируют и самостоятельно продвигают свои интересы совершенно спокойно. Если мы посмотрим на казахов, которые переезжают, например, из Жамбылской области, то есть местные казахи, в рамках той же госпрограммы переселения – то они сталкиваются с колоссальными проблемами для того, чтобы войти в сообщество. Они этих связей не имеют. То есть, если они не переехали большими семьями, то инкорпорируются в ту же самую среду, в которой рядом с ними живут переселенцы из Китая, дважды переселенцы, показывают более низкие показатели и в итоге уезжают из этих областей в течение года.

То есть всё-таки для того, чтобы понимать социальный капитал, нужны дополнительные исследования. И нужна более плотная операционализация, потому что я не могу сказать: «общественное доверие и социальный капитал», поскольку эти понятия не всегда однозначно трактуются.

По поводу январских событий. Если исходить из позиции, что январские события были рядкой той социально-экономической напряженности, которая копилась на протяжении предшествующих лет (мы считаем, что примерно с 2006-го года), то видно, что период между этими взрывами или потенциальным взрывом ускоряется. И нужно очень внимательно проанализировать, что было причиной, и каким образом происходило взаимодействие. И хотя было много представителей молодого поколения, но было достаточно и людей среднего возраста, и у них сработали те социальные связи, которые они наработали предшествующий период. То есть это был призыв больше не институциональной степени, а спонтанный.

Но это были люди, знакомые друг с другом, об этом нам рассказывали во время интервью. Поэтому мы видим, как и социальные доверие, и социальный капитал сработали вместе. То есть это не обязательно позитивная тенденция или тренд, когда эти вещи работают вместе. В принципе, я соглашусь со всеми, кто сегодня выступал, что все это нужно очень внимательно изучать, применяя, может быть, международные концепции. Но также находить и собственные методики или модели для объяснения того, что мы видим. Спасибо.

Гульнара Куренкеева: Спасибо большое. Эксперты, может быть, дополнят. Можно согласиться, что такая постановка вопроса, как «общественное доверие и социальный капитал» вызывает ощущение противоречия. А мы можем объяснить, в чем была логика университета. Социальный капитал мы понимаем шире, чем социальные связи. Потому что в целом это – качество человеческого капитала, это – качество и связи, более широкое понимание для нас. И, конечно же, мы тоже верим, что доверие – это международно признанный термин, и мы в Казахстане пытаемся это понятие внедрить и сделать его более профессиональным. Гульмира, спасибо большое. Коллеги, скоро мы перейдем к сессии вопросов и ответов. У нас еще есть последний онлайн спикер, Дина Шарипова, Доцент Назарбаев Университета, с докладом «Детерминанты доверия в Казахстане». Дина, пожалуйста, слово вам.

Дина Шарипова

Ассистент профессор NU GSPP

Дина Шарипова: Во-первых, хочу поблагодарить за приглашение поучаствовать в этой конференции. Тема, действительно, очень актуальна и интересна. Я рада, что в Казахстане начали исследовать это на профессиональном уровне именно в университетах. Поэтому спасибо еще раз. Я, к сожалению, не слышала предыдущих спикеров, поэтому, возможно, в своем докладе буду повторять их.

Мой доклад называется «Детерминанты Доверия в Казахстане», и я тоже хотела бы привести примеры, кому доверяют казахстанцы согласно всемирному опросу «Всемирный обзор ценности», который проводился в 2017-2020 годах. Это была последняя, Седьмая волна.

Мы понимаем, что доверие – очень важный элемент социального капитала и, знаете, интересно, когда конференция называется «Социальный капитал и доверие». Многие ученые рассматривают доверие как часть социального капитала. Вы правильно сказали, что социальный капитал – это не только социальные связи, но и доверие, а также нормы. Это – тот подход, который в основном был рассмотрен Робертом Падно. Если мы посмотрим на ситуацию в Казахстане, то доверие у нас тоже изучалось различными социологическими организациями, у меня есть данные из Всемирного обзора ценности. Согласно этим данным, у нас 23 процента респондентов доверяют людям, а 73 процента – не доверяют или осторожно относятся к людям. Мужчины в Казахстане доверяют больше, чем женщины – это 26 и 20 процентов соответственно. И мы видим, что больше всего люди в Казахстане доверяют членам своей семьи.

Также этот опрос показал, что многие респонденты не доверяют людям иной религии (55 процентов) и представителям другой национальности (50 процентов). Однако, люди больше

доверяют тем, кого они лично знают, и своим соседям. То есть мы видим, что на личностном или индивидуальном уровне, если люди кого-то знают, например, своих соседей, то они могут им доверять, и больше всего доверяют членам своей семьи и друзьям.

Фондом Фридрика Эберта в 2020 году проводился опрос среди молодежи, который также показал достаточно низкий уровень доверия. Мы видим, что только 32 процента молодежи доверяют людям другой национальности и только 22 – представителям другой религии, а молодые люди больше всего доверяют членам своей семьи и друзьям. В опросе Фонда Фридриха Эберта идет речь уже о доверии на институциональном уровне. Предыдущие спикеры, наверное, говорили об этом. Мы также видим, что существует очень большой уровень доверия президенту, правительству и религиозным организациям.

И у нас, к сожалению, очень мало доверяют полиции или судам. Если мы посмотрим на данные 2017-2020 года в отношении институционального доверия, то увидим, что население на 80 процентов доверяет вооруженным силам. Там, к сожалению, не было вопроса, насколько наши люди доверяют президенту. Полиции – на 65 процентов. Мы видим, что со временем доверие к институтам немного снизилось, но, опять-таки, опрос проводился в 2017-2019-м годах. Этот опрос имел 1276 респондентов.

Мы с моей коллегой решили построить модель, используя Logic Model, и посмотреть, что определяет уровень доверия в Казахстане. Мы включили много переменных, которые могут повлиять на уровень доверия. Что показывает эта модель? Если смотреть на личностном уровне, то мы видим, что люди, которые удовлетворены своим финансовым положением, больше доверяют людям. Также больше доверяют другим людям те, у кого хорошее здоровье. В соответствии с данными этой модели у нас в Казахстане мужчины доверяют больше, чем женщины, это – общий тренд. Люди с высшим образованием больше доверяют людям, чем те, которые менее образованы. Самозанятые люди у нас меньше доверяют людям по сравнению с теми, кто занят на полный рабочий день.

И также мы видим, что люди в больших городах меньше доверяют друг другу. То есть эти переменные показывают, какие факторы могут влиять на уровень доверия нашего населения и, таким образом, мы видим, что есть определенные факторы, которые снижают доверие в Казахстане и вообще в обществе. Как показывают исследования, это может быть индивидуальный опыт и опыт сообщества. Например, если общество испытывало какие-то конфликты в прошлом, войну, то уровень доверия может быть снижен. Также дискриминация тоже может влиять на уровень доверия и экономическое неблагополучие, особенно разрыв в доходах и уровень образования, а также гетерогенное общество.

Многие исследования показывают, что если общество очень многообразное – то есть содержит различные этнические и религиозные группы – то уровень доверия, как правило, бывает снижен. Поэтому, если мы посмотрим на Казахстан, такие факторы, как самозанятость, проживание в больших городах, плохое здоровье, неудовлетворенность финансовым положением, неравенство, недоверие к государственным институтам и низкое качество государственных услуг могут снижать уровень доверия и, соответственно, социального капитала.

Что нужно сделать, чтобы поднять это доверие? Исследование показывает, что, например, государственные органы должны предоставлять свободу создания и осуществления деятельности различных ассоциаций, чтобы люди могли свободно создавать сообщества и организации, проявляя свободу в своей деятельности, и эти организации не должны преследоваться. Также государство должно развивать гражданскую культуру и сокращать уровень неравенства. Мы знаем, что в Казахстане достаточно высокий уровень неравенства, и он также негативно влияет на социальный капитал и на уровень доверия, поэтому необходимо сокращать его. Необходимо поднимать уровень образования, одного из слабых звеньев у нас в Казахстане, усилить верховенство закона и сокращать коррупцию. Все эти факторы могут способствовать тому, чтобы уровень доверия в Казахстане вырос, и наш социальный капитал, который важен для многих переменных, для многих сфер в Казахстане, улучшился.

Спасибо за внимание. Если есть вопросы, буду рада ответить.

Гульнара Куренкеева: Дина, большое спасибо за новый, еще один дополнительный взгляд на ту проблему, которую мы здесь сегодня обсуждаем. Коллеги, мы переходим к сессии вопросов и ответов. У вас есть возможность задать спикерам вопросы. Я вижу поднятые руки. Прошу представиться и задать вопрос.

Павел Нартов: Добрый день, Павел Юрьевич Нартов, преподаватель специальных дисциплин колледжа «Адилет». Если позволите, у меня два вопроса. И первый я хотел бы задать аудитории. Развивая тему, которую затронули два заключительных спикера касательно возможного переменного доверия, я хотел бы спросить: вы знаете, к какому жузу вы принадлежите? Прошу поднять руки тех, кто знает, к какому жузу он принадлежит. А еще прошу поднять теперь руки тех, кто знает какому жузу он принадлежит. Как правило, где жуз, там и ру. Есть ли перспективы учитывать эту переменную о принадлежности, которая характерна для Казахстана, и является национальной особенностью в исследованиях о доверии?

И второй вопрос связан с доверием к церковным религиозным организациям. В Российской Федерации, я знаю, ВЦИОМ замеряет доверие к РПЦ. Получается, в том исследовании, которое нам презентовал «Bisam», религиозные организации учитываются, как НПО, и соответственно, уровень доверия к ним – низкий. Я попросил бы о комментарии. Спасибо большое.

Гульнара Куренкеева: Кто из коллег готов ответить?

Леонид Гуревич: Если позволите, я. Спасибо за ваши вопросы. Они дают мне возможность высказать некоторые важные для меня суждения. Отвечаю на первый вопрос, почему в нашем исследовании доверия не присутствует такая переменная, как жуз. Да, ее нет в этом исследовании, но она есть в других. В частности, нам довелось несколько лет подряд проводить широкое исследование, в котором присутствовал большой блок идентичности казахстанцев. И я могу сказать, что, несмотря на то, что все знают, к какому роду и жузу они принадлежат, как практически все в этой аудитории, но с жузом себя идентифицируют сейчас в последнюю очередь. А идентифицирует себя большинство казахстанцев в первую очередь с тем, что они – граждане Казахстана, а затем – со своим этносом и со своей семейной принадлежностью. Часто семейная принадлежность даже идет и на первом месте.

Хочу пояснить довольно интересный момент. Мы столкнулись в одном из наших исследований с серьезным противоречием между данными количественного и качественного исследований. Очень часто мы задаём вопрос, который также интересуют и иностранные компании, желающие получить представление о ситуации в Казахстане: «Кем вы себя считаете в первую очередь?» И далее идет перечисление: «гражданином Казахстана», «представителем своего этноса» и так далее. Так вот, как правило, в ответах резко лидирует «считаю себя гражданином Казахстана». После этого мы стали проводить качественные исследования в фокус-группах. Здесь присутствует Андрей Скуратов, наш директор по исследованиям, который руководил этими проектами идентичности. И во время этих исследований было выявлено, что на первом месте всё-таки идет этническая принадлежность. То есть в количественных исследованиях люди дают социально одобряемые ответы. Тут сказываются, естественно, ценности. Вот мы задаём такой вопрос, допустим: «Имеете ли вы какие-то предрассудки относительно представителей другой национальности или какое-то неприятие к ним?» Но, помня такие ценности с советских времён, как «интернационализм» и «дружбу народов» (сейчас формулируемые как «толерантность»), люди дают социально одобряемый ответ, как будто у них нет никакого неприятия к другим национальностям. А потом, когда начинаются тонкие качественные исследования, выясняется, что такая неприязнь все же существует. Это ответ на первый ваш вопрос.

По поводу второго вопроса у нас довольно интересная ситуация. Религиозные лидеры имеют в Казахстане низкий уровень доверия, один из низких, в отличие от православной церкви в России. Но, что интересно, при этом другие наши исследования показывают, что в Казахстане высок уровень поверхностной религиозности. Мы чуть ли не на первых местах в мире, 83 процента считают себя верующими, но они – очень поверхностно верующие, мало кто из них соблюдает обряды и регулярно посещает религиозные учреждения. Но религиозные лидеры, я выдвигаю гипотезу, у нас малоизвестны, потому что они себя, что называется, не продвигают. Не сравнить же их с патриархом Кириллом, допустим, не сравнить с Папой Римским. Если я сейчас спрошу аудиторию: «Кто у нас Верховной муфтий?» Назовите мне его имя, пожалуйста или хотя бы поднимите руку. Вот вам, пожалуйста, результат. Спасибо, я ответил на ваши вопросы.

Вопрос из зала: У меня два коротких вопроса. В первую очередь к Рахиму Ошакбаеву, как к ведущему экономисту. В нашей столице недавно должна была пройти IPO «КазМунайГаз». Хотел спросить у вас, состоялась ли она вообще? И второй вопрос. У нас многие компании сейчас, включая зарубежных инвесторов, регистрируют свои компании в МФЦА не только из-за того, что там налоговые льготы, но и из-за того, что там британское право. Как нам сделать так, чтобы компании, казахстанские и зарубежные, не боялись регистрироваться по нашему законодательству и платить местные налоги?

Рахим Ошакбаев: Спасибо большое. Формально IPO и его размещение состоялась, но было всего три процента. Я в нем не участвовал, а в целом, по-моему, прирост сейчас 5-7 процентов. Но, с моей точки зрения, это был один из самых неудачных таймингов времени для IPO, сейчас «медвежий рынок», очень высокая неопределённость. Но, тем не менее, я так понимаю, правительство решило не отказываться от своих планов, и по инерции все произошло. Поэтому, я думаю, что можно было провести гораздо лучше. Второй вопрос – в отношении МФЦА. Очевидно сейчас, в связи с войной в Украине, с массовой релокацией бизнеса, международного и российского, МФЦА Британское право выглядит в сравнении с другими юрисдикциями привлекательней, но, вместе с тем, вопрос был про национальную юрисдикцию. Я думаю, что казахстанские предприниматели очень слабо доверяют институтам. В первую очередь, правовым приложениям, налоговым органам, тем, кто накладывает административные правонарушения, занимается уголовным преследованием и так далее. Эта повестка до сих пор не сходит с актуальности, в том числе, в выступлениях президента. Во время последнего выступления на премии «Барыс» он снова говорил о том, сколько предпринимателей преследуется и сколько из них освобождено, называя это определёнными достижениями. В целом это говорит о базовом институте верховенства закона и права, который пока еще далек от того, чтобы нас удовлетворять. Даже нас, резидентов, которые здесь, как рыба в воде, плавают. Чтобы что-то изменить, рецепт достаточно очевиден. В первую очередь, это – подотчётность и подконтрольность этих органов, что опосредуется политическими институтами. И без относительно независимого парламента невозможно ничего сделать. Поэтому мы снова упираемся в незавершённость, незаконченность или даже отсутствие начала политических реформ.

Вопрос из зала: Здравствуйте, коллеги. Меня зовут Палкин Игорь, я сразу отвечу на вопрос из зала. Наша компания «Contec» зарегистрировалась в МФЦА весной, и в целом процедура по понятным причинам была достаточно простой и прозрачной. Мы здесь развиваем бизнес. И у меня вопрос по повестке собственного мероприятия. Я бы хотел спросить Рахима. У вас богатый опыт в бизнесе и в госорганах. Применительно к предмету исследования, на ваш взгляд, насколько сильно влияет эта ситуация с уровнем доверия к институтам государства именно на предпринимательскую инициативу и на бизнес в целом? И как вы видите в будущем перспективы экономического роста?

Рахим Ошакбаев: Ну, безусловно, влияют негативно. Это очевидно. Бизнес (и B2B, и B2C) ориентирован на экспорт либо на внутренний рынок. Его не может не беспокоить текущая политическая ситуация, и январские события это показали. Из всего исследования мне больше всего заполнилась цифра, которая меня сильно беспокоит: 60 процентов респондентов ожидают повторения январских событий. Соответственно, чем закончатся новые январские события – вопрос очень сложный. Ничем хорошим, скорее всего. Можно снова упасть в ловушку, попасть в колею failstate. Поэтому мы можем себя уговаривать, что есть определённые циклы, и только через шесть лет это, в лучшем случае, может повториться. А, может, повторится в этом году. Или в следующем. Поэтому мы, наверное, эту чашу должны испить до дна. На мой взгляд, мы идём на второй круг. Из первого круга мы еще не все уроки извлекли, их, наверное, все и невозможно извлечь. Необходимой смены управленческого аппарата элиты не произошло, реальной политической конкуренции пока, на мой взгляд, тоже не происходит. Поэтому идём на второй круг. И очень надеюсь, что с этого круга мы выйдем на лучшую траекторию. Спасибо.

Вопрос из зала: Спасибо! Добрый день еще раз! У меня есть две благодарности, один вопрос и одно предложение, если можно. Я чрезвычайно благодарен Университету AlmaU за то, что он начал такую важную конференцию, продолжает ее и регулярно проводит. В докладе на первой конференции много было сказано об методике Edelman, и было сделано предложение о ее применении в Казахстане, чему я очень рад. Теперь, что касается вопроса о «Барометре доверия AlmaU» – научная ценность этого исследования тесно связана с образцом, это очень важно, но какова выборка? И предложение: мы сейчас говорим о том, что нужно сделать для увеличения социального капитала и общественного доверия. Я думаю, что многие из нас знают, что делать сейчас, и специалисты об этом хорошо говорят. Но как мы это делаем?

Леонид Гуревич: Вопрос по выборке. Вы даже пользовались английским термином «sample», я слышу, потому что вроде такого казахского слова нет. По выборке я отвечу очень просто. Выборка была оригинальная, 1150 респондентов. Это была национальная репрезентативная выборка, но в ней были квоты. В частности, была так называемая «квота для информированной общественности». Это не мы выдумали, это по методике Edelman. 200 – информированная общественность. Критерии информированной общественности – это, в первую очередь, более высокий уровень образования, более высокий уровень дохода и постоянная информированность, то есть постоянное обращение к тем или иным источникам информации. Это по выборке. Спасибо большое.

Гульнара Куренкеева: Коллеги, пожалуйста, можно ещё один, последний вопрос.

Вопрос из зала: Меня немножко смутили ваши цифры, Леонид Яковлевич, что у нас высокое доверие к президенту и вооружённым силам. Такая картина чаще всего бывает в авторитарных государствах, когда нет доверия общественным институтам. Вопрос такой. Когда проводятся социологические исследования, то обычно мы ждём рекомендации от тех, кто их делает. Каковы ваши рекомендации, Леонид Яковлевич? Что необходимо сделать, чтобы наше общество стало доверять общественным и гражданским институтам? Рахим частично ответил, что нужно либерализовать политическое поле, но каковы ваши рекомендации, как человека из академической среды?

Леонид Гуревич: Уважаемые коллеги, у меня своеобразное отношение к требованиям рекомендаций от социологов. Социологи указывают на проблемы. Мы не должны делать рекомендации, их должны делать экономисты, управленцы, политики, руководствуясь результатами наших исследований. То есть мы указываем на болевые точки и на то, что происходит. Иногда, если проводятся полноценные исследования с различными методами, мы указываем, по-

чему это происходит. Но если мы начнём делать рекомендации, то получится в традиционном духе партийного собрания советских времён: повысить, усилить и так далее и тому подобное.

Тем не менее, я не уйду от полного ответа на ваш вопрос. Я все-таки ещё раз хочу сказать, что уровень доверия институту Президента у нас остаётся достаточно высоким. То есть, собственно говоря, это – единственный институт плюс вооружённые силы, которым по методике Edelman доверяют. А к остальным институтам у нас либо нейтральная позиция, либо – к большинству из них – недоверие.

Гульмира Илеуова, с которой мы всегда с удовольствием обмениваемся данными и мнениями, спорим очень конструктивно, приводила данные о том, что рейтинг Президента сейчас поднялся. Когда мы говорим, что «этого не должно быть», я привожу ещё один тезис: результаты любого социологического исследования можно опровергнуть только результатами другого социологического исследования. Потому что никогда не надо путать своё мнение с общественным. Я иногда тоже, поверьте мне, вижу наши результаты и думаю: «У меня совсем другие наблюдения». Но, тем не менее, я занимаюсь тем, что перепроверяю, насколько качественно было сделано исследование, насколько в нем была правильная выборка, насколько точно были проведены полевые работы и так далее. У нас все это было сделано достаточно качественно, я могу даже дать гарантию.

Но, тем не менее, что вокруг происходит? Я хочу согласиться с тем, что звучало в наших дискуссиях и немножечко это дополнить. У меня, как у человека из советского времени, который успел ещё позаведовать кафедрой научного коммунизма, сразу же в мышлении возникает понятие «революционная ситуация». Мы все знали Ленинское определение революционной ситуации («низы не хотят, а верхи не могут»), и масса анекдотов была на эту тему. И уже потом узнали (наше поколение, по крайней мере, не так давно узнало) определение Алексиса Токвиля, знаменитого французского мыслителя 19-го века, который говорил, что «революционная ситуация – это накопившиеся нереализованные ожидания». Мне кажется, что у нас очень много сейчас, и в том числе, в нашей идеологической стратегии, порождается неоправданных ожиданий.

Наши политтехнологи буквально соревнуются в терминологии. Например, такой броский термин, как «вторая республика». Но, раз ты сказал «вторая республика», значит, это должно быть связано с какими-то очень мощными реформами, которые многое изменят в жизни людей. Я думаю, надо быть очень осторожными в том, когда мы даём какие-то обещания, и здесь уже говорилось и о конкуренции на выборах. Выборы должны быть людям интересны, там должна быть какая-то интрига. Пока этой интриги не будет, у нас останется соответствующее отношение к выборам. В первую очередь, пассивное, потому что многие думают: «Если я не пойду, то ничего не изменится». А вот когда я знаю, что мои интересы могут пострадать, тогда я должен пойти голосовать. Вот над такими вещами, наверное, имеет смысл подумать. Если сейчас мы, социологи, люди, которые занимаются исследованием общества и общественного мнения, начнём разрабатывать планы мероприятий, то это будут чистая банальность и формальность. Вот то, что я могу ответить на ваш вопрос. Спасибо вам большое за него.

Гульнара Куренкеева: Спасибо и последний вопрос, пожалуйста.

Вопрос из зала: Добрый день. Меня зовут Юра, я из города Алматы, правозащитник из Казахстанского международного бюро по правам человека и соблюдению законности. И у меня вопрос по поводу тех данных, которые вы предоставили после январских событий. Справка такая: 238 человек были убиты на январских событиях и поступило 192 обращения в Казахстанское международное бюро по правам человека и соблюдению законности. Из них всего лишь 74 были зарегистрированы в едином реестре досудебного расследования и 72 прекращены. Только два дела сейчас находятся на рассмотрении. Одно – в Алматинской области, другое – в Кызылорде. Я согласен с предпоследней спикеркой, президентом центра социологических политических исследований стратегии, что общественное доверие и социальный капитал вы поставили смежными

понятиями, хотя это – абсолютно разносторонние понятия, которые никак не могут находиться рядом, потому что здесь не было общественного доверия действующему Президенту Республики Казахстан Касым-Жомарту Кемелевичу Токаеву, когда он попросил помощи организации договора коллективной безопасности о введении войск ОДКБ, после которого Россия сюда пришла.

И мы не знаем, как изменилось общественное доверие, а я бы сказал, какова удовлетворённость граждан решением Президента о такой просьбе войск ОДКБ. Соответственно, я не до конца понимаю количество вами опрошенных, то есть сколько человек вы опросили, чтобы составить ваши социологические исследования. Также я хочу тоже предложить вам написать рекомендации со спикеркой общественным деятелем. Почему? Потому что это важно, так как ваши рекомендации как университета очень важны. А тут присутствуют лица, которые занимают государственные должности, насколько я понял, депутаты маслихата города Алматы здесь тоже присутствуют, с которыми мы очень активно сотрудничаем. Соответственно, ваши рекомендации будут ростком, который поспособствует социологическому опросу вам, как университету. Спасибо. Кто выскажет своё мнение? Благодарю.

Бахытжан Саркеев: Уважаемые коллеги, спасибо. Леонид Яковлевич упоминал о том, что социологи выражают своё мнение касательно констатации фактов. Но я не в курсе касательно рекомендаций. Вы, наверное, заметили в презентации, в скобках, я постарался и взял на себя смелость высказать, что нужно сделать с учётом тех результатов исследований, которые мы получили. Раз есть проблема неразвитости гражданского общества, то нужно его развивать. Сегодня правительство принимает много программ, но всё-таки нужно усилить акцент именно на развитие гражданского общества.

Во-вторых, что еще нужно сделать для развития общественного доверия? Развивать независимые СМИ. Как мы увидели, многие респонденты говорили о том, что считают наши СМИ не совсем объективными. Необходимо усиливать именно независимые СМИ.

В-третьих, вы, наверное, заметили, что, несмотря на то, что наши граждане доверяют по большей части президенту и вооружённым силам, на самом деле это ни о чем не говорит. Но самый важный факт – они не доверяют местным органам власти, маслихатам, политическим партиям, судам правовых органов. Но, вместе с тем, именно в этих сферах реализуется очень много реформ. Это говорит о том, что реформы неэффективны. То есть, наверное, нужны новые подходы к реализации этих реформ.

И самая главная рекомендация – правительству нужно заострить своё внимание на решении социально важных проблем. Социально важные проблемы, которые отмечает сегодня общество, это – рост цен и дороговизна продуктов, снижение доходов, коррупция. Необходимо основное внимание обратить на решение этих вопросов. И здесь стандартными путями, которые применяются сегодня в правительстве, не обойтись, нужны новые подходы, в том числе с вовлечением гражданского общества. Всего было опрошено 1150 человек, это число как раз было указано в презентации.

Леонид Гуревич: Извините, пожалуйста, я чуть-чуть дополню. Это – старая проблема социологов. Нам всегда говорят: «Как это так – опросив тысячу человек, вы можете говорить о мнении миллионов?» Но это – прикладная социология. Она использует хорошо разработанную теорию выборки и теорию вероятности. Мы не гонимся за числом опрошенных. Опрос миллионов людей – это выборы. Если они проходят корректно, то это – тоже опрос. А социологические опросы пользуются выборками в тысячу человек или в две тысячи. Самое главное, чтобы это выборка давала возможность статистически значимого анализа, чтобы она была непрезентативной, чтобы она воспроизводила структуру генеральной совокупности.

Приведу последний пример выборки, которая проводилась одной известной организацией в Соединённых Штатах в связи с президентскими выборами. Так вот, в Соединённых Штатах с населением 300 миллионов, выборка, прогнозирующая президентские выборы, была в 1200 че-

ловек. И в прогнозах ошиблись всего один раз, в 1948 году. А в остальные годы больше не ошибались. Так что здесь не надо гнаться за численностью, эти теории давно разработаны, я не буду вас ими утомлять. Но когда этот вопрос возникает, я привожу такой пример. Вот, предположим, привезли бочку вина. Для того, чтобы узнать его вкус, надо ли пить всю бочку? Вообще, конечно, желательно, но не обязательно. Достаточно сделать глоток или выпить стакан. И мы будем знать вкус вина, но будем знать его с некоторой ошибкой, потому что на дне может оказаться осадок. Есть определённая ошибка, и мы рассчитываем, какова здесь погрешность, она допустима. Вот это – то что касается выборки.

Гульнара Куренкеева: Леонид Яковлевич, большое спасибо. Особенно с вином было сравнение, достойное отдельных аплодисментов. Коллеги, есть у вас ещё последнее желание высказаться или что-то добавить?

Вопрос из зала: У меня вопрос. Вы публикуете эти данные?

Гульнара Куренкеева: Да, обязательно. Посмотрите, у вас в программе есть QR-код. Можно по ссылке пройти и увидеть все эти исследования, они доступны. И все материалы конференции тоже будут доступны всем. Задача нашего университета как раз таки сделать эти материалы максимально доступными для всех.

Вопрос из зала: Тогда следующий вопрос. В моем представлении всё-таки над тезаурусом стоит работать, и, после того, как проходит конференция, какие-то движения в сторону операционализмов или, наоборот, дополнительных обобщений и интерпретаций проводятся? Либо это – окончание и дальше никаких действий?

Гульнара Куренкеева: Мы сегодня подготовили резолюцию сегодняшней конференции. Мы обязательно всем вышлем ее на согласование, чтобы вы ее посмотрели. Пока, конечно же, основная идея – проведение таких конференций. Мы все равно, как университет, верим, что все основные дискуссии и споры должны происходить в аудиториях среди учёных. Надо приглашать как можно больше экспертов и заинтересованных людей, чтобы проблемы решались здесь, а не на улице. И, конечно, не хочется повторения тех событий.

Рахим Ошакбаев: Спасибо большое. Судя по характеру вопросов, комментариев и просьб в каких-то рекомендациях, я думаю, что есть запрос на то, чтобы AlmaU, который активно реализует так называемую «третью миссию университета», выходил за стандартные академические рамки и стал передовиком-пионером в реализации этой третьей миссии. С коллегой-социологом я абсолютно согласен. Рекомендации – это зыбкая и сложная вещь, чтобы их давать, но вместе с тем надо сделать так, чтобы это исследование не только обсуждалось, но и выдвигались гипотезы в отношении того, что можно сделать экономическими методами, математическими или гуманитарными.

Еще я хотел бы призвать всех выйти за рамки того, что есть академия, есть власть, и, соответственно, есть экспертное сообщество. Мы даём рекомендации власти. Соответственно, они их смотрят или игнорируют, принимают или не принимают и так далее. То есть система «снизу-вверх», вертикальная. Мне хотелось бы призвать, чтобы и гражданское общество, и эксперты, и, в первую очередь, академии и университеты, рассматривали себя как полноценных актёров, которые могут очень сильно влиять. Да, у власти, безусловно, больше ресурсов, больше полномочий, гораздо больше ответственности. Но, тем не менее, это нисколько не умаляет того, что мы, как неправительственный сектор, должны работать. И здесь не было вопросов про уровень доверия университета. Да, мы с вами все слились в НПО или застряли между блогерами, СМИ и так далее. Поэтому, мне кажется, можно было бы более отчётливо выявить лидеров

общественного мнения, которые работают в социальных сетях: стандартные НПО, религиозные организации, а Академию можно выдвинуть отдельно. Поэтому давайте продолжать. Спасибо вам за эту замечательную работу. Мы готовы максимально ее поддерживать.

Дина Шарипова: Я хотела бы добавить, если это возможно.

Гульнара Куренкеева: Да, пожалуйста.

Дина Шарипова: Я совершенно согласна с тем, что уже сказали. Даже в нашем университете проводятся исследования по социальному капиталу. То есть молодое поколение учёных тоже заинтересовано в этой теме. Я думаю, что есть большой задел для того, чтобы и дальше развивать эту тему. Поэтому спасибо AlmaU за инициативу. Я думаю, что также было бы полезно развивать больше связей со средствами массовой информации, чтобы результаты этих полезных исследований, которые проводят Гульмира Илеоува, Леонид Яковлевич и многие другие наши социологические компании, включая нас, стали доступны для широкого населения. Хотелось бы усилить эту взаимосвязь между наукой и средствами массовой информации для того, чтобы популяризировать те исследования, которые уже сделаны на данный момент. Я думаю, это было бы замечательно. Спасибо.

Гульнара Куренкеева: Спасибо большое. Коллеги, мы уже перебрали время для кофе-брейка. Большое спасибо всем нашим спикерам. У нас есть небольшие подарки спикерам. Мы хотим подарить вам книгу, которая для всех казахов является очень важной. Это – Абай «Қара Сөздері» в специальном издании на трех языках: на английском, русском и казахском. Большое спасибо, что нашли время, были с нами и поделились своими мнениями. Уважаемые коллеги, предлагаем сделать одну общую фотографию и пойти на кофе-брейк. И у нас потом будет продолжение нашей сессии.

Кофе-брейк.

Данил Саари

Старший преподаватель

Модератор

Даниал Саари: Дорогие участники конференции, приветствую вас на нашем пленарном заседании, посвященном социальному капиталу как инструменту снижения социального неравенства и повышения общественного доверия.

Хотелось бы начать с определений общественного доверия и социального капитала. Поэтому повторяюсь, что общественное доверие выражается в уверенности общества во взаимосвязях, которые создаются между группами людей. Устойчивые социальные связи – это социальный ресурс, который является важнейшим элементом социального капитала. На нашем заседании сегодня участвуют достаточно известные спикеры, которые тщательно готовились к этой конференции. Имею честь представить нашего первого спикера от AlmaU с очень интересным исследованием. Данное исследование, я бы сказал, является достаточно смелым. Итак, Айман Мелисовна Кызыбаева – руководитель лаборатории нейромаркетинга и нейроменеджмента, декан школы менеджмента AlmaU. Ее исследование касается январских событий. Сейчас состоится презентация результатов исследования «Что чувствуют казахстанцы, вспоминая Qantar?». Айман Мелисовна, можете начинать.

Айман Казыбаева

Руководитель Лаборатории нейромаркетинга
и нейроменеджмента AlmaU,

Декан Школы Менеджмента

Презентация результатов исследования
«Что чувствуют казахстанцы, вспоминая Қантар?»

Айман Казыбаева: Большое спасибо. Хочу сказать сразу, я немного волнуюсь. Это исследование начиналось с нашей школы, мы в нем принимали участие. Мы – студенты и профессора школы менеджмента: я, Смыкова Мадина Раисовна, Дуцанова Мадина и Кельбеков Дастан, двое студентов четвертого курса образовательной программы «маркетинг». И мы не ожидали такого интереса. Я даже сейчас на перерыве слышала, что очень многие остались послушать те результаты, которые мы получили. Это очень приятно, но в целом хотелось бы отметить, что мы не социологи и не политологи.

Вспомните, пожалуйста, январские события. Какие чувства вы испытывали в те дни? И даже по истечению какого-то определённого промежутка времени, я думаю, у всех у нас все ещё болит. Вашему вниманию представляется исследование, которое было направлено на изучение чувств и эмоций жителей города Алматы в отношении трагических событий. В целом, как я уже сказала, это было нейробиологическое исследование.

Цель наша была понять, какие чувства испытывали алматинцы, есть ли какие-то отличия в разрезе возраста и пола. Исследование было проведено среди респондентов от 16 до 65 лет, которые проживают в городе Алматы. И, наверное, когда я говорю «нейробиологическое исследование», мне бы хотелось отметить, какие инструменты были использованы. Мы взяли два видеоролика за основу: это -интервью Бахытжана Сагинтаева по январским событиям, и второе – новость, которую показывали по КТК о назначении Ерболата Досаева на должность акима. Вот

эти два видео мы продемонстрировали нашим респондентам. Исследование проводилось в лаборатории нейромаркетинга и нейроменеджмента школы менеджмента.

Основная разница нашего подхода заключалась в том, что мы применяли нейробиологические исследования, то есть технологию face reading, которая может выявить, какую эмоцию человек испытывает во время просмотра того или иного контента или стимула, и насколько сильным является его эмоциональное состояние посекундно. Это исследование – студенческая работа и работа наших исследователей, но, тем не менее, даже на этапе анализа нами заинтересовался Forbes. Мы опубликовали нашу статью в данном журнале. Вы можете перейти по ссылке и прочитать более подробную информацию. На сегодняшний день уже 104000 человек прочитало нашу статью, и около 100 репостов было сделано в фейсбуке. Я думаю, что это тема до сих пор является очень интересной для алматинцев и жителей Республики Казахстан.

Здесь представлен небольшой отрывок, чтобы было видно, как проводилось исследование. Оно было только в городе Алматы, так как оборудование и лаборатория находятся здесь. Но в целом мне бы не хотелось прерывать эту нить и желательно провести эти исследования и в других городах РК. Вот тут небольшой видеоролик. Звук нет, к сожалению. Вы можете увидеть: респондент садится напротив камеры, где оценивается его физиологическая реакция. То есть если вы проводите классические виды исследования (качественные, количественные), человек дает вам осознанную информацию. Здесь мы у респондента не спрашиваем, что он испытывает, мы фиксируем только физиологическую реакцию, которую невозможно контролировать, если этому специально не обучаться.

В целом, с левой стороны вы видите: диапазон эмоций – около 8 Гц – максимальное значение, которое показывает наше оборудование. Данное исследование держалось примерно на уровне 4 Гц. Для такого контента, то есть полуторачасового видеоролика-интервью, это – очень высокий уровень вовлеченности. На следующих слайдах показана общая информация, и мне бы хотелось отметить, что сама информация, которую мы оценивали, предполагает негативный спектр эмоций: грусть, злость, страх и недопонимание. Данный спектр эмоций прослеживался и в первом видеоролике, и во втором. При этом, хотелось бы отметить, что в ролике с Досаевым был диссонанс: каждый из респондентов испытывал разные эмоции. В связи с этим дать обобщенную информацию у нас не получилось (это удалось сделать только по первому ролику), но при этом, повторюсь, был крайне высокий уровень заинтересованности.

Далее, сравнительный анализ реакций мужчин и женщин показал, что и у тех, и у других преобладали негативные эмоции. При этом, у мужчин это – злость и грусть, у женщин – злость. Жирным на слайде выделены те события или та информация, которые вызывали одинаковые эмоции и у мужчин, и у женщин. Наверное, уровень самих эмоций был примерно одинаковым. Это – информация о том, что 2-го и 3-го января Бакытжан Сагинтаев находился на удаленном управлении. У наших респондентов это вызывало в основном злость. Особенно хотелось бы сказать, что у респондентов такой всплеск эмоций возникал, когда они слышали фактические данные: например, количество нападавших, количество пострадавших человек, какие действия именно были предприняты руководством города.

В разрезе нашего исследования при этом присутствовали и эмоции радости. Мы предполагаем, что крайне редко происходят такие открытые диалоги, как сделал Сагинтаев. Во время интервью он рассказывал о тех шагах, которые были предприняты полицией, акиматом города Алматы, что вызвало доверие у наших респондентов – они отреагировали радостью на поданную информацию.

Еще я бы хотела отметить, что в разрезе возраста самые молодые респонденты, от 16 до 20 лет являются также самой нестабильной группой в своем эмоциональном состоянии. Интервью Бакытжана Сагинтаева начинается с информации о том, что он сильно болел, ему была необходима ревакцинация. Именно эта категория респондентов оказалась самой нечувствительной к данному заявлению. Среди других категорий, наоборот, были те, кто отнесся с пониманием к состоянию здоровья Сагинтаева. Всплеск эмоций у этих респондентов был связан с

информацией о том, как обострилась ситуация в городе Алматы. Самое главное, наверное, что именно эта категория испытывала больше всего страха.

Если говорить о респондентах 36-65 лет, то они достаточно спокойно реагировали на полученную информацию. Самой вовлеченной оказалась категория 21-35 лет. В ходе исследования было очень много информации, связанной с Ерболатом Досаевым: о его назначении и о том, какие должности он занимал до этого. Например, информация о том, что он входит в списки Forbes, была воспринята по-разному: у мужчин это вызвало грусть с переходом в злость, а у женщин – грусть с переходом в радость. И таких фактов было много. В целом, хотелось отметить, что наше исследование показало, что взрослому поколению больше импонирует Бакытжан Сагинтаев, а более молодые респонденты больше радости испытывали в отношении Ерболата Досаева. У меня все.

Даниал Саари: Спасибо большое! Очень интересно. Я помню, как вы обращались в нашу школу, но мои коллеги не имели такой смелости, мы даже отклонили данный запрос. Я надеюсь, что ваше исследование найдет продолжение и будет масштабировано на весь Казахстан. Понимаю, что Алматы был эпицентром, и события имели уровень катастрофичности именно здесь. Но я думаю, будет интересно, если вы расширите исследование и рассмотрите весь Казахстан. Теперь хочу представить Аскара Куандыковича Нурша, который является советником директора КИСИ при президенте РК. Он выступит с темой: *«Политические реформы как залог общественного доверия»*.

Аскар Нурша

Советник директора КИСИ при Президенте РК

«Политические реформы – как залог
общественного доверия»

Аскар Нурша: Уважаемые коллеги, друзья. Сразу скажу такой дисклеймер: сейчас я работаю в Астане. Во время январских событий я работал и жил здесь. Как и все, был свидетелем этих процессов, выходил на балкон. В первый день было зарево, светозумовые гранаты – все это мы видели. Если вы помните, на второй день спустился туман, и уже ничего видно не было. Но мы активно общались с друзьями, коллегами. Я сам пытался выходить, навещать родителей, родственников. Все это мы прошли. Я думаю, что истинные оценки этих событий общество даст со временем. Сейчас, по-моему, недостаточно времени прошло, чтобы полностью все это осмыслить. Как государство, так и независимые эксперты работают над этим.

У меня такая стратегия карьеры – я часть времени проработал в государственном аналитическом поле, а еще большую часть – в независимом. Поэтому в целом мне известно, что происходит по обе стороны. Когда мы говорим о социальном капитале, обычно в социальном капитале выделяют три базовых элемента: доверие (это понятие доверия роднит социальный капитал со второй половиной – общественным доверием), социальные связи и социальные нормы.

Давайте начнем с социальных норм, а потом я постараюсь перейти к политическим реформам. Те, кто посещает тои, знают, сколько горячих блюд у нас подают. Почему два? Неужели вы после первого раза не наедаетесь? Приведу простой пример: к нам приехала иностранная делегация. Мы их повели в ресторан казахской кухни. Сначала подали холодные закуски. Что в нашем понимании холодные закуски? Это салаты на базе мяса, мясо в холодном виде, нарезанная курятина и все прочее. Мы поставили на стол холодные закуски и подумали, надо через час подать горячее. Подали через час горячее, а иностранцы оказались в шоке. «Вы что, мы уже наелись!» А мы им: «А сейчас еще второе горячее будет!» Понимаете, это вопрос такой, что вне зависимости от нашего желания есть определенные социальные нормы, которые в обществе установились. То есть социальные нормы должны постепенно эволюционировать и меняться вместе с политическими процессами, иначе на каком-то этапе они могут выступать в том числе и некими ограничителями для более продвинутых, более радикальных. Но искусственно влезать в это поле не рекомендуется, потому что это уже укоренившиеся в народе практики и нормы.

Но меня интересует такой вопрос. Я посмотрел результаты выборов. В зале кто-нибудь голосовал за женщин-кандидатов? Поднимите руки. Мало. Две руки из всего зала. Конечно, это не соц опрос. Теперь у меня более глубокий вопрос. Кто-нибудь может объяснить, почему победила Каракат Абден, а Салтанат Турсынбекова набрала более низкие баллы? Кто голосовал именно за Каракат Абден, а кто – за Салтанат Турсынбекову? Я как политолог объяснить смогу, но я понять хочу, почему именно так. И опять же, вопрос в том, если бы у них была схожая повестка, можно было бы сказать что-то определенное. Но у них были совершенно разные повестки, они обращались к разным слоям населения. Нам как обществу важно понять, почему эта повестка прошла. А, по моему впечатлению, у Каракат была более консервативная повестка.

Второй момент. Я видел, что часть знакомых женщин выступали против этих кандидаток. Они говорили, что есть с их точки зрения более достойные, более репрезентативные кандидаты. Но в целом для нас здесь такой вопрос. Кандидат в депутаты – это некая ролевая модель. И что это нам говорит, когда побеждает Каракат Абден как ролевая модель для женщин? Какой стратегии нужно следовать? В Америке говорят: «Это мой кандидат, я за него голосовал!», или «Мистер Президент, я за вас не голосовал». У нас очень мало таких ролевых моделей. Даже если посмотреть с точки зрения кандидатов мужчин, тоже есть определенные вопросы. Мне просто было интересно, какой месседж это дает обществу и как общество это воспринимает.

У нас в КИСИ есть своя социологическая служба, и мы проводим замер общественного мнения. Сразу скажу, что это не та сфера, к которой я имею отношение, и я с ней не соприкасаюсь. Поэтому ответить на более детальные вопросы я не смогу. Но мы проводим общественные замеры, и в целом эти замеры показывают, что у нас в обществе довольно высок уровень доверия граждан к президенту. На этом фоне у других представителей политического поля показатели гораздо ниже. С одной стороны, это хорошо, но с другой – плохо. Плохо почему? У нас политика по-прежнему носит персонифицированный характер. И эта персонификация в долгосрочном плане не очень хороша. Если вы заметили, мы с вами являемся свидетелями политической революции, которая прошла незаметно. Неважно, какие цели могли стоять в основе этого решения, но, победив на этих выборах, Токаев идет только на один президентский срок. И это срок зафиксирован в конституции. Это значит, что мы переходим к эпохе одноразовых президентов. Это очень важно. Это означает, что если человек пришел к власти с политической программой и ее не выполнил – все, он идет дальше.

Но вопрос еще в другом. Другие политические силы, зная, что президент не баллотируется на следующие семь лет, начинают строить свою политическую стратегию, исходя из этого.

Это значит, что у нас появляется политический процесс. У нас появляется политика как таковая. До сих пор у нас не было политики. Другая проблема – слабость политических институтов. Qantar был экзаменом для государства. Он проверил эффективность работы различных министерств и ведомств. Что мы видим в лице Токаева? Он сказал: «Я никуда не уйду, я остаюсь». Что мы видим со стороны многих политических институтов? Бездействие. Либо недостаточно эффективные действия.

Я знаю, что алматинцы поставили вопрос о доверии. Многие говорили: акима рядом с нами не было, и поэтому мы просим другого акима. То есть, по большому счету, Qantar был проверкой работы системы госаппарата. На мой взгляд, по большому счету, важный фактор сохранения доверия президента – это продолжение кардинальных реформ. Причем, кардинальных политических реформ. Потому что такой запрос существует, и все это видят. Но, с другой стороны, сейчас появляется ряд вопросов. Мы видим консервативную кадровую политику, и в обществе есть запрос, чтобы на политическом олимпе были новые люди, узнаваемые.

Но, если верить президенту, то, по большому счету, один из главных тезисов – это сохранение национальной памяти. Это тоже важный фактор. Почему? Например, возьмите любой университет и человека, который занимает свою должность. Хорошо, когда есть процесс передачи знаний, компетенций, контактов, нетворкинг. А если его нет? Человек уходит и полностью забирает с собой все свои наработки и все свои связи. Фактически, любые факультеты с уходом человека теряют все эти наработки. Люди начинают работать с нуля. Важно, чтобы во всех структурах работали люди, которые служили бы такой национальной памятью. Был период, когда нынешние люди сработали, как национальная память.

Но, когда возвращаешься к социальным нормам... Есть такая фраза, ее очень часто говорят. Я на примере двух стран приведу. Первая. Назарбаев ушел, коллектив Назарбаева остался. Что это значит? Это – привязка к социальным нормам. По большому счету, ход одного человека еще не меняет всего, понимаете? Иногда бывает так, что свита делает человека... Я один пример приведу. Приходится по работе бывать в госорганах, приходится часто навещать посольства Казахстана в разных странах. Как-то я вошел в такое здание и увидел на стене портрет Назарбаева. Спрашиваю: «Что тут делает портрет Назарбаева. Это что, нелояльность? Вы еще в старом Казахстане живете?» Они отвечают: «Нет, разрешения нет. Токаев не разрешил вешать свои портреты. А вы же знаете, что должен быть некий стандарт, который идет из государства. Такого стандарта нет». Я говорю: «А как вы выходите из ситуации, когда надо показать? А мы, говорят, берем небольшой настольный портрет и ставим на стол фотографию президента». Меня это обрадовало, потому что это означает, что у нас, по крайней мере, нет культа личности. Это важное отличие. Второй пример – вы знаете, что сейчас идет российско-украинский конфликт. Многие эксперты говорят: «Уйдет Путин и будет легче». А я им говорю: «Вы думаете, что взгляды президента России настолько отличаются от взглядов всей остальной России?» Давайте прогнозируем. Есть такой же коллективный Путин, он выходец из народа. Я, когда общался со многими россиянами, видел, что они выражают поддержку его действиям. У Украины – своя правда, у России – своя.

Еще пример. В казахстанских городах много релокантов. И многие из них не либералы. Большинство из них против мобилизации и не хотят, чтобы их лично призывали в армию. Но если вы спросите у них, чей Крым, то выяснится, что в этом вопросе они были либо нейтральны, либо одобряли присоединение Крыма. Это и есть коллективный Путин.

Я начал с доверия, но завершу тем, что очень важны социальные нормы. И последняя фраза к теме жузов и родов. Раньше я тратил много времени на такие вопросы, пытался объяснять, рассказывать, где это работает, где – не работает. Я понял, что многие зарубежные исследователи попали в ловушку. Они пытаются оценивать с точки зрения жузов, ру и т.д. Сейчас я думаю: а зачем быть понятным? Может быть непонятым не есть плохо? Я не считаю, что мы должны кому-то что-то объяснять. Мы знаем, что это не так. Мы жили 30 лет как государство. Я горжусь, когда за рубежом вижу, что у них в финансовой системе нет того, что есть у нас. Я отвык поль-

зоваться наличными, но, когда поехал недавно за границу, мне пришлось менять валюту. Сейчас у меня куча тенге на руках. Я думаю: зачем? Я уже привык без этого обходиться. Поэтому мы очень много, где продвинулись и можем гордиться своей страной. Но если мы останемся на месте, то очень быстро можем скатиться вниз. И нам нужно идти дальше, в более глубокие политические реформы. Может, нам измерять не только доверие? Надо быть более проактивными, надо делать шкалу измерения социального импакта тех или иных институтов по их вкладу в этот процесс. Благодарю за внимание.

Даниал Саари: Спасибо большое! Знаете, я хотел сказать, что очень часто многие пытаются найти рецепты того, как повысить уровень доверия и представляют прогнозы о том, когда мы станем лучше жить в Казахстане. Считаю, что преемственность является очень важным фактором. Я своим студентам задаю вопрос, как это происходит в Казахстане, какие реформы нужно проводить, чтобы улучшить уровень и качество жизни в Казахстане. Они говорят, когда умрет все поколение, которое родилось в СССР, тогда мы и заживем хорошо. Это молодые люди, которые только пришли со школьной скамьи. У них максималистские подходы, и они видят жизнь именно таким образом. И я знаю, что очень многие, отвечая на этот вопрос, отражают свое собственное понимание того, что происходит вокруг. Всемирный банк провел целое исследование, и оно заточено на то, как Казахстан реагирует на те или иные события. Эта глобальная организация проводит его во многих странах, и в Казахстане оно так и называется «Прислушиваясь к Казахстану». Поэтому я представлю следующего спикера – Уильяма Сеитца, который является ведущим экономистом Всемирного Банка. Сегодня он представит результаты исследования, которое называется: «*Listening to Kazakhstan*».

Уильям Сеитц

Старший экономист, Всемирный Банк
в Центральной Азии

О проекте Всемирного Банка
«*Listening to Kazakhstan*»

Уильям Сеитц: Большое спасибо за теплый прием! Очень приятно быть здесь с вами. Это, действительно, была очень мотивационно-стимулирующая беседа с отличными презентациями. Надеюсь, еще будут интересные вопросы и обсуждение. Я хотел бы рассказать вам о некоторых результатах опроса «Прислушиваясь к Казахстану» и подробно остановиться на вопросе общественного мнения о социальной политике. Это область, в которой активно работает Всемирный банк, и она также представляет широкий интерес для многих партнеров и заинтересованных сторон. Поэтому мы рассматриваем ее как своего рода общественное благо, когда узнаем о приоритетах общества в отношении социальной политики и реформ.

Итак, пару слов о том, как мы собираем эту информацию. Мы начали в 2020 году, ближе к концу года, лично собирая информацию от репрезентативных домохозяйств по всей стране, то есть из каждого региона сельской и городской местности. Начиная с этого момента, мы ежемесячно опрашивали около 1500 человек, представляющих свои семьи, так что к настоящему моменту мы провели около 37 000 интервью такого типа. Вы знаете, что мы задаем подобные вопросы от месяца к месяцу, чтобы видеть, как все меняется, все колебания, и в этом, действительно, сила этого подхода. Стоит посмотреть, как развивается ситуация, и попытаться понять, какое значение для страны имеет политика.

Это исследование проводится не только в Казахстане. И это – тоже одно из преимуществ. Мы можем провести некоторые сравнения между Казахстаном и другими странами региона и мира, аналогичные исследования есть в Узбекистане, Таджикистане и Киргизской Республике.

Итак, чтобы получить некоторые результаты, один из ключевых вопросов, которые мы задаем, касается того, как люди относятся к направлению, в котором движется страна, с точки зрения политических, социальных и экономических реформ. На экране вы можете увидеть результаты. Я хочу обратить ваше внимание на две вещи. Во-первых, на этот вопрос всегда было около 50% ответов. Более половины респондентов неизменно заявляли, что, по их мнению, страна в целом находится на правильном пути или движется в правильном направлении в отношении политических, социальных и экономических ресурсов с момента начала исследования.

Еще один интересный момент заключается в том, что это мнение не стабильно, вы согласны? Вы можете видеть, что со временем произошло много динамики, много изменений, и люди в среднем стали менее или более уверены в этом. Летом 2021 года было обнаружено некоторое улучшение с момента запуска опроса. Если мы копнем немного глубже, то увидим, что кто-то говорит в этом месяце, что, по их мнению, страна движется в правильном направлении, а в следующем месяце говорит, что нет, и наоборот.

Поэтому, когда люди переключаются между тем, чтобы сказать, идет ли дело в правильном направлении или нет, это, действительно, важный момент. Мы можем понять многие факторы, влияющие на мнение людей. Есть несколько действительно важных моментов: во-первых, существует очень сильная связь между восприятием коррупции и верой в то, что страна движется в правильном направлении. Поэтому, когда люди чувствуют, что их страна или правительство работает хорошо или лучше, чем раньше, то это отражается и на отношении к коррупции. Между этим и мыслью о том, что страна движется в правильном направлении, существует тесная связь. Это происходит и в обратном порядке. Если кто-то чувствует, что ситуация с коррупцией ухудшается, люди начинают резко критиковать направление, в котором движется страна. Еще один очень важный момент – то, что люди очень чувствительны к экономической ситуации. Поэтому, когда люди чувствуют, что экономическая ситуация, рабочие места и занятость улучшаются, они становятся гораздо более оптимистичными в отношении направления страны в целом, не только в экономических условиях, но и в деятельности правительства. Наконец, существует очень тесная взаимосвязь между предполагаемой эффективностью правительства в области социальной политики и общей оценкой людьми направления развития страны. Так что очень часто, когда мы видим, что кто-то думает, что произошло большое улучшение, это тесно связано с утверждением, что правительство недостаточно делает для детей в социальном плане, недостаточно делает для инвалидов, пожилых людей и людей, живущих в нищете. Таким образом, эти очень сильные взаимоотношения сигнализируют о положительной обратной связи. Когда правительство хорошо выполняет основные функции социальной политики, это приводит к общему улучшению восприятия направления развития страны.

Также важно сказать о том, какие ключевые проблемы стоят перед страной. Одна из них, за который мы постоянно наблюдаем в течение некоторого времени, заключается в том, что люди очень обеспокоены проблемой неравенства. Мы измеряем это с помощью 2-х различных типов неравенств. Один из видов – это имущественное неравенство, означающее, что у одних людей недостаточный уровень материальных вещей, которыми они владеют, по сравнению с другими.

И этот разрыв постоянно увеличивается, месяц за месяцем, поэтому в ходе опроса значительно увеличилась доля людей, которые считают это самой насущной проблемой, с которой сталкивается Казахстан. И мы видим очень похожую тенденцию в отношении неравенства доходов. Эти графики подчеркивают тот факт, что Казахстан в общественном восприятии сталкивается с серьезными проблемами в отношении распределения доходов и богатства.

Другим очевидным фактом является то, что многих респондентов сильно беспокоит рост цен. Я должен сказать, что это – не уникальный факт для исследования в Казахстане. Это происходит в каждом из опросов, которые мы проводили за последний год. Беспокойство по поводу роста цен и инфляции было, действительно, значительным. Особенно это касается людей с относительно низким доходом. Они тратят больше денег на удовлетворение основных потребностей, и, когда эти расходы растут, это может привести к их финансовой и социальной незащищенности. Эти результаты исследований устойчиво повторяются, особенно для людей, находящихся в нижней части распределения материальных средств.

Также со временем увеличилась доля людей, которые относят себя к категории бедных. Это – другое определение потребности, отличающееся от того, которое используется в социальной политике страны. Таким образом, мы не собираемся измерять потребности населения по тем же самым критериям, которые статистические агентства используют в отношении людей, живущих с низкими доходами. Статистика, действительно, отражает значительный рост опасений, что семьи считают, что им не хватает средств на существование. Здесь вы можете видеть, что это около 15% в начале опроса и около 22% в последний раз, в ноябре 2022 года.

В отношении направления, в котором движется страна, и проходящих в ней реформ, мы можем увидеть, что именно способствует изменению восприятия людьми жизни в бедности. Очень часто это тесно связано с источниками дохода. Так что, когда люди получают доход через социальные программы, трансфертов, таких как пенсии или социальная помощь, мы видим существенное улучшение: люди выходят из бедности. И, наоборот, когда они теряют доход, теряют работу, есть большой прогностический фактор, что люди в таких ситуациях впадают в нищету. Особенно, когда в семье много зависимых (например, много детей), мы обнаруживаем, что риск оказаться за чертой бедности при перебоях в доходах гораздо выше. Это устойчивый вывод на протяжении всего исследования.

И последнее, что я хотел сказать по этому поводу, это то, что в Казахстане существует очень тесная связь между оценкой бедности и оценкой количества еды и ощущения безопасности. Когда люди изо всех сил пытаются позволить себе достаточно еды, понятно, что это еще зависит от того, что сами люди считают достаточным количеством еды и достаточно разнообразной едой. Когда люди изо всех сил пытаются поставить еду на стол, они часто говорят, что живут в бедности. Между этими вещами существует тесная связь. Это также тот случай, когда люди изо всех сил пытаются платить за основные коммунальные услуги. Когда они изо всех сил пытаются платить за электричество, отопление или воду, то они почти классифицируют себя как живущих в бедности.

Есть один аспект, который, я думаю, полезно понять: существует высокая доля людей, которые классифицируют себя как живущих в бедности, и она намного выше, чем доля людей, которые классифицируют себя как живущих в бедности в денежном выражении. Это может быть связано с тем, что черта бедности в Казахстане на самом деле довольно низкая по сравнению с другими странами с аналогичным уровнем дохода. Если рассматривать это как долю ВВП на душу населения, то это количество экономических ресурсов в экономике, доля которых рассматривается как минимальная, чтобы жить в минимально приемлемых условиях. Мы видим, что в Казахстане порог для этого намного ниже среднего и здесь более низкий порог для участия в программах социальной помощи, чем в других странах. Это может частично объяснить различие между многими людьми, считающими себя живущими в бедности, и денежными мерами бедности, являющимися довольно скромными.

Я много говорил сейчас о проблемах. Но одна из самых приятных вещей, которую мы обнаружили, заключается в том, что большая часть людей очень оптимистична в отношении общего направления развития страны. Они ожидают, что экономическое будущее Казахстана будет намного

сильнее, чем сегодня. Этот показатель колеблется, но всегда намного выше 50%. Это достаточно обнадеживающий вывод: в целом люди ожидают, что лучшие времена для Казахстана еще впереди.

Мой последний пункт. Есть убедительный вывод, относящийся к работе, которую мы делаем во Всемирном банке по разработке социальных программ, предназначенных для поддержки людей, которые пытаются удовлетворить свои основные потребности. Здесь вы можете увидеть, что существует очень сильная корреляция между оценкой людьми того, что правительство делает в отношении поддержки пожилых людей, детей, инвалидов и бедных. Люди часто воспринимают все эти программы как единую меру эффективности правительства по защите людей, которые в этом нуждаются. И когда мы посмотрим, считают ли люди, что текущие программы достаточны, или они должны быть более масштабными и щедрыми, мы сможем лучше определить людей, которые в них нуждаются. Мы очень последовательно обнаруживаем, что люди решительно поддерживают большую и сильную систему социальной защиты в Казахстане. Укрепление текущей правительственной программой реформ также четко подтверждается данными, что это является высоким приоритетом общественного доверия, а не просто приоритетом в программе реформ. Я думаю, что у меня уже нет времени. Если у вас есть какие-либо вопросы, на которые мы не ответили, пожалуйста, свяжитесь со мной по электронной почте. Я рад обсудить это и в оффлайне. Ждем обсуждения! Большое спасибо!

Даниал Саари: Большое спасибо, Уильям, за интересное выступление! Еще забыл отметить, что Уильям является тимлидером программы по бедности и равенству проекта в рамках Всемирного банка. Наверное, это интересный вывод, или даже лайфхак, потому как наше доверие можно увеличить не только благодаря уменьшению дистанции доверия к власти, но и благодаря увеличению набора вариативности социальных лифтов. Продовольственная безопасность тоже очень важна. Сейчас мы переходим к следующему спикеру, который выступит с темой *«Доверие, лояльность и государство в Казахстане»*. Ныгмет Ибадильдин, заведующий кафедрой международных отношений и регионоведения Университета КИМЭП.

Нигмет Ибадильдин

Заведующий кафедрой Международных отношений и регионоведения Университета КИМЭП

«Доверие, лояльность и государство в Казахстане»

Ныгмет Ибадильдин: Спасибо большое! Меня сюда пригласил Рим Абдуллин и заранее спросил: «На каком языке будете говорить?». Я привык на английском, но, по-моему, здесь большинство говорит на языке бывшей метрополии – русском, поэтому у меня презентация будет на английском, а докладывать я буду на русском.

Посмотрите на схемы, вы видите доверие и лояльность в каждом из обществ, которые мы здесь обозначили. Ну, понятно, что есть определенный элемент редукционизма. Это – традиционное общество, авторитарное и открытое, демократическое. И очевидно, что во всех данных классификациях есть свой уровень упрощения, как я уже сказал. Но, тем не менее, в традиционном обществе доверие исключительно конкретно, то есть человек доверяет тем, кого он непосредственно знает. А любой чужак воспринимается как опасность. Свой – это тот, с которым ты лично знаком или за которого поручились известные тебе люди. Это – традиционное общество, существующее благодаря личным взаимодействиям.

Современное общество построено на том, что человек доверяет в силу того, что существуют какие-то общие принципы. Человек априори защищён законом и правом. И эти права распространяются как на него, так и на других. Поэтому уровень доверия растет, и, естественно, с уровнем доверия уровень насилия падает. В авторитарных обществах существует интересная взаимосвязь, потому что аппарат насилия достаточно силен, и он исходит от государства. Поэтому доверие к государству достаточно низкое, но лояльность высока в силу репрессивного аппарата государства. То есть доверие именно насаждается, и поэтому люди верят больше друг другу, а не каким-либо абстрактным принципам. Эти принципы становятся селективными, то есть к кому-то они применяются, а к кому-то – не применяются. И эта селективность правоприменения человека очень сильно дезориентирует, поэтому ориентация идёт чисто на личные связи, личное доверие, и отсюда все эти моменты.

Лояльность также насаждается. В традиционном обществе лояльность и доверие совпадают. Они обычно выше в странах с высоким уровнем доверия. То есть всем участвующим в данной транзакции не требуется каких-либо дополнительных мер, чтобы защитить свой контракт, защищать свои интересы. Затраты на обеспечение безопасности контракта собственности невысоки. И все – проверка своего контрагента, проверка судьи, адвоката, красный, черный и так далее – все это в странах высокого доверия отпадает. Там все играют по правилам, скажем так. Когда зона серая, ты не знаешь, кто напротив тебя, поэтому уровень доверия к нему резко падает. Отсюда сразу же уменьшается скорость транзакций. Ты должен держать главу собственной безопасности, который проверяет своих людей, ты должен строить высокие заборы, потому что не доверяешь соседям и полиции. И, вообще, пусть другие люди не смотрят на меня. Но вы чувствуете, что все это увеличивает затраты.

Здесь были различные определения доверия, и я вам тоже дам очередное рабочее определение. Это – когда те люди, которые участвуют во взаимоотношениях, во взаимодействии, без каких-либо семейных связей и без вмешательства государства верят, что могут достигнуть совместных и честных результатов от своего взаимоотношения. Он знают о том, что играют, что это – игра, но в то же время уверены в правилах и в своих способностях. Что для этого требуется? Для этого требуется (и Аскар об этом говорил), что должны быть какие-то ценности, социальные нормы, которые более-менее разделяются данными людьми. Они понимают, что более-менее равны и в информационном плане, и в плане ценности. В идеальном мире доступ к информации, ресурсам, источникам, а также соглашения, транзакции и взаимоотношения должны быть добровольными. То есть люди это делают не под принуждением.

Поэтому, доверие – это всегда о правилах и предсказуемости будущего для участников данного взаимоотношения. Государство в данном случае, или суд, или закон, или Конституция важны как гарант этих взаимоотношений, напоминая о том, что правила существуют: формальные или неформальные, но существуют, и кто-то их обеспечивает. А как сделать так, чтобы доверие работало вообще? Правила должны поощряться, то есть и те, кто следуют правилам, должны также поощряться. Когда идет избирательное толкование и применение закона, понятно, что доверие моментально исчезает, и те, кто нарушают правила, должны наказываться в том или ином виде. Поэтому и правила должны быть достаточно простыми и понятными всем. Без доступности того, кто будет злоупотреблять своим знанием правил, чтобы их интерпретировать в разную пользу. Естественно, должны быть какие-то исключения, которые между

людьми согласованы. Например, что вот это – ребенок, а это – человек с ограниченными возможностями, и на них правила не распространяются. Это создает предсказуемую среду.

Следуем дальше. Почему у нас очень низкий уровень доверия в Казахстане? Не только я так заявляю, это было сказано на предыдущих сессиях. Люди не верят государству ни на высоком уровне – президенту, как экстраполяция всяких патерналистских вещей, ни на низком уровне. Почему это происходит? Мне кажется, потому что у нас историческая традиция очень низкого доверия, начиная с СССР. То есть СССР, без всякой ностальгии, – это было государство, которое своих граждан не защищало (голод, война, репрессии и проч.). Люди не верили СССР. То, что произошло в Казахстане, когда исчезли все советские сбережения, произошла инфляция – все эти моменты объясняют, почему люди стараются от государства держать дистанцию. Коррупция, репрессии, девальвация и все, что происходило в экономическом плане, отсутствие честных выборов – это все не повышает уровень доверия.

Законы – дискриминационные, про выборы все очевидно. У нас 90 процентов не служили на госслужбе из-за дискриминации по праву выдвижения. Практика правоприменения очевидна – сейчас идут суды насчет пыток. Мы все боимся полиции. Ну, кто-то не боится, у кого, как говорится, есть знакомые и родственники. Остальные все стараются держать дистанцию, скажем так. Потому что, когда есть один факт пыток, уже 1000 человек боится этих пыток. Понятно, что государство в данном плане воспринимается людьми враждебным. Несмотря на все эти антиколониальные вещи и разговоры, что у казахов появилось государство, оно возродилось и так далее, тем не менее, в нынешнем состоянии мы считаем, что это достаточно опасно.

Государство, очевидно, осведомлено о том, что мы ему не сильно доверяем, поэтому низкий уровень доверия подразумевает низкий уровень легитимности. Если мы государству не доверяем, если выборы были признанные и непризнанные, если люди бойкотируют выборы, понятно, что это значит, что легитимность не сильно высока. Поэтому был основан МСОТ, который также либо заменял парламент, либо консультировал правительство, его функция была непонятна. Когда формально институты не работают, то начинаются попытки изобрести пятое колесо от телеги, шестое колесо, лишь бы хоть что-то работало, лишь бы была какая-то обратная связь.

А на международном уровне – Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Понятно, что какие-то моменты, например, бюджет наших органов безопасности всегда презентуется в агрегированном виде. Мы не понимаем, как мы платим налоги, потому что вся налоговая нагрузка возлагается на работодателя. За меня заплатил работодатель, мне важно лишь, сколько я чистыми получу – это также уровень доверия и говорит о том, что люди не готовы платить налоги осознанно, заплатил и все, оставьте меня в покое.

И, опять-таки, когда уровень политической активности становится большим – митинги, что-то еще – это очень сильно напрягает государство. Вы помните, что на митингах часто больше людей в форме и в штатском, и всего человек десять митингуют. Это как раз о том, что государство касается такой вот активности. Тем не менее, у нас также, как я говорил, достаточно низкий уровень доверия друг другу, потому что это экстраполяция или воспроизведение того паттерна поведения, который у нас сложился с государством. То есть с государством надо быть очень осознанным, от него можно ждать какие-то враждебные действия. И экономика у нас достаточно огосударствленная. И даже среди НПО у нас есть ГОНГО. И, понятно, что после всех репрессий уровень доверия не только упал, но из-за того, что происходила отрицательная селекция, люди потеряли стержень и свои ценности. Отбор был наиболее гибких и наименее моральных. Практика тридцатых годов – доносы, за которые люди не были порицаемы и наказаны. Для людей все эти ролевые или антиролевые моменты не увеличивали уровень доверия.

И контрастный пример того, что во время войны Украина-Россия Украина раздает оружие. В Казахстане представить такой уровень доверия государства собственным гражданам тяжело, потому что у нас оружие всегда рассматривается, как нечто опасное и криминализованное. То

есть этот уровень доверия между выборами, президентами и распространением оружия в случае интервенции также показателен.

И понятно, что общество не может функционировать без доверия. Поэтому у нас доверие заменяет верность. Человек, какой бы он ни был, требует предсказуемость. Эта предсказуемость основывается не на абстрактных принципах, а на личном доверии. Типа страна – это твоя большая семья. То есть семейные ценности распространяются на других. «Если ты – наш, то мы – твои». Это все семейные, клановые моменты. И лояльность в данном случае означает, что ты имеешь иммунитет к общественным нормам и порицанию. Ты – свой, тогда мы тебя вытаскиваем. Поэтому потенциально у нас очень напряженная атмосфера. Я на этом, наверное, закончу. Все, спасибо большое.

Даниал Саари: Ныгмет, спасибо большое за очень интересный нарратив. Понимаю, что вы перешли на русский язык, но в AlmaU мы практикуем полиязычие на постоянной основе. Поэтому мы, в равной степени, говорим на русском, казахском и английском. Я хотел бы сказать, что, наверное, мы часто слышим о таких темах, отражающих печальные страницы нашей истории. Но хотелось бы, чтобы все это не заслоняло успешные проекты, конструктив, кооперацию, чтобы отрицательно не влияло на наше будущее. И упоминание Ныгмета о российско-украинском конфликте никак не является призывом, чтобы в Казахстане вооружались, раздавали оружие. Это просто упоминание.

Ныгмет Ибадильдин: Я такого не говорил! Тут никаких призывов нет. От моего имени не надо говорить, я сам за себя могу сказать.

Даниал Саари: Я и говорю, что это не является никаким призывом. Это просто было использовано как сопоставление по тому, насколько государство может доверять своим гражданам. Я правильно вас процитировал?

Ныгмет Ибадильдин: Я очень рад, что вы цитируете и интерпретируете меня. То есть это значит, что мысль упала на благодатную землю, и она уже возвращена. Это хорошо. Мы несем ответственность за то, что говорим и за то, что воспринимаем. Естественно, это была параллель. То есть во всех этих экстремальных ситуациях, Qantar был проверкой не только государства, но и общества. Он показал то, что в Казахстане люди недовольны, что уровень доверия властям очень низок. И то, как повели себя власти, говорит о том, что данный процесс был перехвачен. Самое лучшее в Qantar – то, что он был всего три дня. Он был перехвачен, естественно, всеми этими конкурирующими элитами. Все происходило непрозрачно, все суды были закрыты, амнистия была достаточно абстрактная. Это – амнистия участникам, либо тем, кто пытал? Или тем, кого пытали? Потому что в любом случае должно быть национальное примирение.

Даниал Саари: Спасибо большое, Ныгмет. Я чувствую, что вы готовы говорить долго. Я просто процитировал и показал то, как насколько я понял. Мы теперь переходим к следующему спикеру. Доверие очень взаимосвязано, и важно отметить то, что информированность людей очень важна для повышения доверия. Поэтому мы сейчас услышим гуру по медиаграмотности. Гульнара Асамбаева, региональный координатор программ «InterNews» и ее доклад *«Медийная информационная грамотность для повышения доверия и справедливости»*. Она выступит онлайн.

Гульнар Асанбаева

Региональный координатор программы
Internews Network

«Медийно-информационная грамотность
для повышения доверия и солидарности»

(онлайн)

Гульнара Асамбаева: Спасибо большое, Даниал. Прежде всего хочу поблагодарить AlmaU за приглашение на такую содержательную конференцию, а предыдущих спикеров – за то, что избавили меня от рассказа контекста. Каждый год в октябре проводится глобальная неделя информационной грамотности. И как раз последняя конференция, которая прошла не далее, как в октябре, поставила вопрос о повышении роли медиаграмотности и увеличении доверия.

В чем дело? Почему медиаграмотность выходит на первый план? Дело в том, что при невероятном росте получаемой информации мы должны ясно осознавать, что только одно из 100 информационных сообщений может быть полезным. И сегодня медиаграмотность выглядит немножечко модернизированной. Если раньше мы считали, что это – прежде всего возможность не стать объектом манипуляции, то сегодня только медиаграмотный человек может ставить вопрос о прозрачности и этичности всех организаций, которые перечислены, в том числе органов государственного управления, средств массовой информации и так далее. И очень важное внимание уделено деятельности цифровых коммуникационных платформ, а также коммерческих структур и организаций. Расшировка каждого из этих понятий в презентации будет вам доступна. И, экономя время, позволю себе на этом не останавливаться.

Итак – что же такое компетенция? Дело в том, что не все говорящие, или занимающиеся, или обязанные заниматься продвижением медиаграмотности четко себе представляют компетенции, которыми должен обладать на сегодня каждый человек. Здесь я постаралась их изобразить. Я думаю, что это достаточно визуально понятно.

Так что же собой представляет собой медийно-информационная грамотность Казахстана? Каждый год мы проводим исследование. Я даю вам ссылку, вы можете на него посмотреть. По трем странам правила выборки соблюдены, я говорю только о результатах. Несмотря на то, что мы видим определенный рост, мы понимаем, что далеки от идеала. Мы даже не достигаем и половины того, что могло бы быть. И вопрос о доверии. Речь сегодня шла только о доверии к правительству и институту информации. И смотрите – на первом месте в Казахстане остается, как ни странно, телевидение. А социальные сети, которые являются основным источником потребления информации, занимают ничтожно малый процент – всего 9,4 процента респондентов. Какие навыки и каким образом изменились за измеряемый период? В 2019-м мы провели исследование в первый раз, и в 2021-м вы видите зеленые стрелочки. Ясно показаны определенные изменения, и этому можно в какой-то определенной степени радоваться.

Какие риски низкой медиаграмотности? Вы видите, это – рост ложной информации, как мы говорим, фейковой или misinformation, желание навредить, что выражается в буллинге, ко-

торый сегодня пышным цветом расцветает, ненависть, дезинформация и все ее виды. Что же делают в Казахстане, когда видят противоречивую информацию? Я хочу обратить ваше внимание на фиолетовый столбик. Меньше 30 процентов занимаются проверкой фактов. В основном, люди сразу делятся этой информацией в социальных сетях или доверяет одному только одному источнику информации, что тоже не есть хорошо, и обсуждают это с другими людьми.

Но самый последний столбик, который вырос по сравнению с 2019-м, затрагивает тех, кто вообще ничего не делает. Это тоже говорит о степени доверия. И кроме количественного исследования, у нас было качественное: 10 экспертов из каждой страны определяли степень подверженности общества таким явлениям, которые здесь перечислены. И, как вы видите, наибольшая зависимость – это сетевая зависимость, т.е. употребление всего подряд. И, в тоже время, дезинформация также отмечена жирным красным, это – достаточно большой уровень риска.

А в чем причина такой сильной зависимости? Это низкие навыки фактчекинга и распознавания алгоритмов социальных сетей. Что предложили эксперты? Они предложили общеизвестный путь: пусть госзаказ финансирует медиаграмотность.

Но, с другой стороны, были и такие позитивные предложения, что люди не должны думать, что все проблемы решатся только властными структурами. И в этом отношении хочу сказать, что сегодня в 52 университетах страны медиаграмотность ведется совершенно добровольно, и, к нашему удовольствию, AlmaU является одним из таких университетов, с чем я и поздравляю организаторов конференции.

Какие предложения? Дать свободу слова? Да, есть четыре фактора, которые влияют на степень медиаграмотности людей. И, прежде всего, это, конечно же, уровень свободы слова, уровень образования и уровень межличностного доверия, о котором мы сегодня достаточно много говорили.

Но самая большая проблема, о которой говорили эксперты, это то, что мы испытываем сегодня достаточно сильные социальные стрессы и люди не могут отличить пропаганду от нормальной информации.

Что мы делаем для того, чтобы люди все-таки овладевали навыками медиаграмотности и были в состоянии вести полноценный диалог и с властями, и со средствами массовой информации, и в сфере сетевого общения по поводу качества? Посмотрите, эта картинка совершенно новая, в ней 23 кружочка. Это те направления медийной информационной грамотности, которые на сегодняшний день актуальны. Если кто-то занимался медиаграмотностью, то должен помнить, что когда-то таких кружочков было 8, потом стало 14, сегодня их 23. И я хочу сказать, что AlmaU также является пионером в освоении другого совершенно нового направления медиаграмотности – кинограмотности. Но об этом чуть позже.

Что мы делаем? Мы, в первую очередь, конечно, создали учебники для школьного образования и для преподавателей университетов, которые переведены сейчас на все языки Центральной Азии. Мы стараемся проводить тренинги по медиаграмотности на национальном языке для представителей госструктур, но самыми активными участниками являются только представители пресс-служб. И вы видите ведущих экспертов, которые работают на казахском языке. Самый любимый нашими партнерами способ продвижения медиаграмотности – это подготовка их к ежегодной Эдьютон (образовательной платформе для разработки проектов по медиаграмотности).

Мы объявляем конкурс, отбираем потенциальных победителей и обучаем их самому актуальному на данный момент направлению – кинограмотности. В прошлом году доктор, профессор вашего университета Гульнара Абикиева реализовала прекрасный проект «Смотрим казахское кино», и, наверное, многие из вас были его участниками. И мы уделяем внимание не только формальному образованию, то есть обучению в университетах и в школах, но и неформальному. Поэтому такие постеры пользуются достаточно большой популярностью среди наших партнеров – библиотек, школ и университетов. И наша новинка – мы открыли Дома Медиаграмотности для того, чтобы люди в регионах могли иметь постоянное место, куда они всегда могли бы прийти, послушать лекции и получить ответы на самые животрепещущие вопросы. В частности, у нас созданы Дома Медиаграмотности в Костанайской и Карагандинской об-

ластях и работает Дом Медиаграмотности в Павлодарской области, который охватывает Восточный Казахстан и Семей.

И, посмотрите, какие темы мы предлагаем. Обратите внимание – «Кино: между искусством и пропагандой». Я думаю, что если бы кинограмотность была введена в большинстве школ, как нам хотелось бы, то последний кейс, когда казахстанским школьникам показали пропагандистский фильм в России, был бы менее сенситивным. Во всяком случае, учителя могли бы иметь представление, что кино бывает и искусством, и пропагандой. И это были, кстати, школьники восьмого класса, где по решению Министерства Образования должна была быть введена медиаграмотность как эффективный предмет. Но, очевидно, этого не случилось.

Мы обучаем и людей «золотого возраста». Медиаграмотность – это образование для всех, и не надо путать его с журналистским образованием, что это часто происходит. Есть такое тривиальное упражнение, когда людей просят нарисовать собачку в зависимости от своих представлений о ней (показывает слайд). Также существует и международное сотрудничество: некоторые наши проекты получили признание и за рубежом. Вы видите электронную версию игры «Медиа-Джунгли». Кстати, это – одно из направлений неформального продвижения медиаграмотности.

Когда начинать обучение медиаграмотности? Конечно, с малого возраста. И такие проекты у нас были созданы добровольцами, и даже где-то бесплатно. И на казахском языке у нас такой есть ресурс, где можно все это посмотреть. Большие помощники в продвижении медиаграмотности – это, конечно, библиотеки. Мы с ними постоянно работаем. И, опять-таки, сегодня мы очень много говорим о Qantar, и когда речь идет о продвижении медиаграмотности через искусство, я просто хочу вам показать два проекта, победившие в MediaCAMP, который состоялся в феврале 2022 года. Это – иммерсивный спектакль в Telegram «Свобода 55», рефлексия, потому что медиаграмотность – это обязательно рефлексия о том, что происходит именно сейчас с нами и желание получить конкретные ответы, мюзикл пользовался большой популярностью. К сожалению, у нас не так много средств, чтобы сделать его доступным, но мы планируем, используя финансовые возможности нового гранта, показать его во всех регионах Казахстана. И нас с ним даже пригласили в соседний Кыргызстан.

Самый последний проект – это иммерсивный образовательный видео-квест по медиаграмотности, который появился буквально вчера в сети, и вот здесь ссылка, где вы можете его посмотреть. И желающие могут его использовать как очень хороший образовательный ресурс неформального образования. Наш уважаемый модератор Даниал Саари является автором чудесного проекта – Республиканской Олимпиады медиаграмотности, которая имела очень большой успех. Мы также провели дебаты по медиаграмотности на трех языках – казахском, русском и английском.

Конечно, не все у нас прекрасно, и главная проблема – то, что мы сильно отстали по продвижению. Даже такие не самые передовые страны, как Африканский союз и Лига арабских государств в 2021-м году ясно публично обозначили приверженность по ощущениям на региональном уровне. У нас в Казахстане медиаграмотность развивается только усилиями неправительственных организаций. Нет национальной стратегии продвижения, тогда как наши ближайшие соседи – Кыргызстан и Узбекистан – имеют свои программы, поддержанные правительством. И медиаграмотность на школьном уровне у них подвигается гораздо продуктивнее. И самая большая трудность – у нас нет национальной концепции. Люди часто путают цифровую грамотность, медийную грамотность и информационную. У нас есть чудесный проект – «Цифровой Казахстан», в котором мы, конечно, связаны живой плотью, но должны понимать, что он технологически детерминирован. О том, как понимать и анализировать информацию в этом проекте – ни слова. Благодарю вас за внимание.

Даниал Саари: Спасибо большое, Гульнар, за интересное, я бы даже сказал, шедевральное исследование по медиаграмотности. Думаю, что навыки по медиаграмотности должны быть must/have для каждого гражданина. Потому что мы знаем, как фейки и пропаганда могут вли-

ять на общественное мнение, на поведенческие паттерны. Мне довелось знать всех энтузиастов «InterNews». Вы делаете очень важную работу.

Гульнара Асамбаева: Спасибо. Буду очень признательна, если кто-нибудь задаст вопрос. Значит, для вас это интересно.

Даниал Саари: Мы переходим к сессии вопросов-ответов. Дорогие слушатели, можете задавать свои вопросы. У нас уже есть первый вопрос. Рим Абдуллин, пожалуйста.

Рим Абдуллин: Спасибо большое. Я хотел спросить по медиаграмотности. Это вопрос, может быть, ко всем спикером сразу. Был такой слайд, что в Узбекистане и Кыргызстане с этим ведется работа на государственном уровне. Как вы думаете, у этого есть политические мотивы? То есть причины. Ну, вы понимаете, о чем я говорю.

Гульнара Асамбаева: Я могу сразу ответить на этот вопрос. Я хочу сказать: «Да, у нас налажены отношения и с ООН и, надеюсь, что и с Министерством высшего образования и науки мы тоже наладим, и с Министерством информации и общественного развития, и даже с Министерством культуры. Но я хочу сказать, что межведомственные рамки этих министерств не позволяют создать цельную стратегию, которая объединяла бы усилия всех стейкхолдеров. Потому что без государственной поддержки мы не можем. Мы, «InterNews», некоммерческая образовательная организация, не можем войти в школы. Мы даже не можем войти в вузы с просьбой уточнить какую-либо информацию. Мы работаем через своих партнеров – преподавателей этих ВУЗов, потому что нам доверяют.

Поэтому в Узбекистане давным-давно 300 школ изучают медиаграмотность в общем курсе с первого по девятый класс. Что они делают? Они развивают медиаграмотность через работу школьных библиотек. Мы об этом хорошо осведомлены, общаемся с ними. Что делается в Кыргызстане? НПО «Медиа-собак» имеет национальную концепцию. Они работают над этим с 2012 года, они достаточно опытные, мы также с ними хорошо общаемся.

После наших визитов и после того, как были созданы учебники для 9-11 классов, тоже было принято решение о введении медиаграмотности как предмета по выбору в 8-м классе, но в составе курса «Патриотизм и глобальные компетенции». Этого недостаточно. Речь идет о том, что, согласно этому решению, медиаграмотность изучают в 8-м классе. Но самое, скажем так, странное – у нас нет учителей, хорошо подготовленных по вопросам медиаграмотности, которые были бы в состоянии ее вести. Да, есть добровольцы, такие как Даниал Саари, который сам занимается и работает, преподает медиаграмотность. Но эти люди, о которых шла речь, в совсем недавнем прошлом преподавали предмет самопознания.

И тут, кажется, все становится понятно. Наш проект учебной программы остался без реализации, поэтому речь идет вот о чем. Желание есть, но ничего не сделано для того, чтобы все-таки это была общая стратегия. Вы знаете, что самая продвинутая медиаграмотность существует в странах Северной Европы, в Финляндии. Мы приглашали экспертов, их слушали. Там даже на железной дороге изучается медиаграмотность. Жаль, нет времени, я могла бы об этом много говорить. Речь идет о необходимости более интенсивных усилий со стороны государства, чтобы всё-таки сделать изучение медиаграмотности приоритетом, и прежде всего – в самих государственных структурах.

Даниал Саари: Да, будем надеяться, что эта рекомендация будет услышана. Если есть еще вопросы, задавайте.

Вопрос из зала: Ещё раз здравствуйте. В продолжение дискуссии о неформальных аспектах вопроса доверия об этом часто избегают говорить в стенах академических институтов и

бизнеса. Однако у нас есть два пути. Либо мы об этом говорим, что это – вещь в себе и не обсуждаем, либо же мы оказываемся на пути России, которая создала, сама того не ведая, этот образ, и сейчас в медиа идет разговор о том, что это Достоевский виноват в том, что сейчас происходит в России. Да, мы нашли виноватого. Чтобы мы могли этого избежать, чтобы такого не было, мне кажется, мы должны говорить о неформальных вещах, о неформальных отношениях и о сказках в том числе. Моя диссертация была посвящена этому вопросу.

Если вы позволите, буквально небольшая такая ремарка. Сказка о драконе, который прилетел терроризировать царство, и которого потом победили хитростью. Таких сказок две – русская и польская. И теперь об отличиях. В русской версии царь начинает действовать, только когда у него похитили дочку. В польской версии царь начинает действовать сразу, у него не получается, а его подданные угрожают ему бунтом, свержением. Дальше в русской версии герой Никита Кожемяка, победив этого змея, не получает ничего. Он говорит: «Мне ничего не надо, потому что самая главная награда – то, что я всех спас». В польской версии башмачник, который спасает царство от дракона, получает руку царевны. Здесь можно говорить о многом. Спекулятивно было бы с моей стороны говорить о том, что у нас есть такие выводы, но как минимум общественной дискуссии, на мой взгляд, это должно быть представлено. Такая моя позиция. Спасибо.

Даниал Саари: Спасибо большое. Да, надеюсь, мы не будем подходить из принципов: «Кто виноват?», «Что делать?» и «Кому на Руси жить хорошо?» Кто из спикеров понял вопрос и может ответить? Суть вопроса можете переформулировать?

Вопрос из зала: Вопрос в том, должны ли мы продолжать дискуссию о неформальных вещах, о сказках, о школе, об отношениях внутри семьи? Потому что все это мы пытаемся заметить под ковер. У нас есть умные разговоры о том, что есть государственные институты, и с ними мы взаимодействуем. А на самом деле мы рождаемся в семье, воспитываемся на сказках, на фильмах, на комиксах и на всех этих вещах. Это, на мой взгляд, под ковер заметать не стоит.

Даниал Саари: Хорошо. Значит, у нас вопрос такой: Пытаемся ли мы как-то умолчать и готовы ли мы продолжать дискуссию, чтобы более конструктивно подходить к вопросу?

Ныгмет Ибадильдин: Может, казахскую сказку рассказать? Про дракона и ласточку. Вы ее анализировали? А то там тоже своя была стратегия выживания. Там, например, был комар-предатель. А ханов вообще никаких не было. Они, по-моему, сами свои проблемы как-то решили. Кто помнит? Мультик же все видели? Да, просто опять у нас какой-то деколонизационный дискурс начинается с ходу, с полоборота.

Даниал Саари: Да, я думаю, что Ныгмет очень интересно ответил. Парировал практически в тех же самых контекстах. А есть ли у нас следующий вопрос?

Юрий: У меня есть опрос. Сначала, конечно, не очень было приятно слушать, что Qantar для некоторых спикеров оказался экзаменом, и что это – лучшая версия. Как-никак это – национальная трагедия. И мы видим, что в Талдыкоргане, Жетысуйском районе, возвращают уголовное дело по причине того, что полицейский просто прижигал лицо человека утюгом. И это очень страшно. И я не вижу в этом никакого экзамена для Казахстана. Я вижу это массовой национальной трагедией. Бахытжан Торегожина, руководитель организации «Ар.Рух.Хак» и правозащитница, сейчас документирует все сложные моменты со стороны государства (позволю себе напомнить, что верховным главнокомандующим вооруженными силами Республики Казахстан является президент Республики Казахстан) и военных, которые находились на территории и, соответственно, были в городах. И вопросы «Кто стрелял?» и «Кто пытал?» – это открытые вопросы. А второе – по поводу медиаграмотности – ООН призывала к продвижению, пропаганде прав человека, ме-

диаграмотности как одному из институтов, которые нужно знать подрастающему поколению. Какова позиция экспертов по поводу прав человека в медиаграмотности? Спасибо.

Гульнара Асамбаева: Меня слышно? Можно, я отвечу? Спасибо за вопрос. Дело в том, что как раз летом я участвовала в исследовании медиаграмотности в области Свободы слова и Свободы выражения. И я хочу сказать, что результатом изучения этой ситуации у нас будет проект (мы скоро объявим на него конкурс) – написание учебного модуля по вопросу медиаграмотности в области Свободы слова и Свободы выражения. Это – проблема номер один сегодня. И, бо-лее того, я вам хочу сказать, что буквально 19-го у нас начинается Эдьютон. Центральной проблемой или лейтмотивом это будет как раз-таки изучение медиаграмотности в области пропаганды. Я не хочу называть это «противостоянием». Если противостояшь пропаганде, то сам становишься пропагандой. У нас будут международные эксперты, потому что при всей той ситуации, которая сложилась сегодня, мы должны отметить, что нигде в наших вузах пропаганда как таковая, ее виды, методы и видоизменения в зависимости от социально-политического контекста не изучаются. Тем более, сегодня должна идти речь о цифровой пропаганде. Это – совершенно новое явление, и это – один из вызовов для нас. И, надеюсь, что у нас появятся хорошие проекты, которые мы реализуем в наступающем 2023-м году. Отличный вопрос. Спасибо большое.

Даниал Саари: По первому вопросу: вы сказали о Qantar. Но спикер никак не пытался делиться оценочным мнением, использовал просто слово «тест». «Тест» на английском означает «испытания» и «экзамен». Это все-таки испытание, и здесь нет оценки «хорошо» или «плохо». Теперь дадим возможность спикеру ответить.

Аскар Нурша: Смотрите, вы можете зайти на мою страницу на Фейсбуке, посмотреть, что я писал эти дни во время Qantar. Я ничего не стер, все там осталось. Поэтому можете ознакомиться с моим мнением. Я с вами в чем-то согласен. В том плане, что со стороны кажется, как будто мы, эксперты, легко рассуждаем о таких вещах, выглядим немного цинично, отстраненно, абстрактно. Но, поверьте, это – показная легкость. Qantar – это, действительно, большая трагедия для всей страны. Просто задача экспертов, политологов и ученых – максимально абстрагироваться, чтобы, убрав эмоции, выявить истину. Поэтому – мы же не избегаем дискуссии, мы обсуждаем. И мы не говорили, что правы. Потому что есть люди, которые могут быть более осведомленными, чем мы. И, может, надо, чтобы их правда тоже зазвучала. Я с симпатией отношусь к деятельности правозащитных организаций. Я считаю, что это Democracy's Watchdog, и эта деятельность требует всяческой поддержки и одобрения. Потому что, если даже спуститься с общенационального уровня на уровень личности отдельных людей, то это – трагедия многих семей, которые потеряли близких. Это – личная трагедия людей, причем, я думаю, по обе стороны, понимаете? Мы, как в зеркало, взглянули на себя и увидели, что оказались способны на многие вещи, от которых нам сейчас стыдно. Мне кажется, даже эти случаи пыток надо расследовать только для того, чтобы это не повторилось, и чтобы эти люди получили сигнал, что так нельзя, это недопустимо, что полицейская культура этого не допускает. Поэтому в этом плане я могу полностью с вами согласиться.

Даниал Саари: Спасибо. Есть ли ещё вопросы?

Акмарал Тургалиева: Здравствуйте, меня зовут Акмарал Тургалиева. Мы приехали из Петропавловска, представляем Козыбаев университет. Я являюсь проектором по воспитательной социальной работе и взаимодействию с работодателями. Очень рада, что сюда пригласили всех.

Университет AlmaU поздравляю в первую очередь с днем рождения, с вашим праздником. Ну, и я очень впечатлена, что сегодня такая важная дискуссия идет и по январским событиям. Так как мы все-таки региональный ВУЗ, у меня пара вопросов и пара предложений. Начну с во-

просов. Первый: эксперты сегодня рассуждали, почему все-таки произошли эти январские события, говорили о том, что эта ситуация копилась 30 лет. Но так как в обществе ходило много слухов, у меня вопрос: есть ли экспертное мнение о влиянии внешних агентов и внешних факторов? Потому что это тоже очень интересно, как это все влияло или этого вообще в действительности не было, и во всем виноваты только мы сами?

Второй вопрос тоже по январским событиям. Сегодня услышала мнение о том, что возможно повторение данных событий. И вопрос к руководству AlmaU: «Как нам обезопасить студентов?» То есть да, нам из Министерства пришло распоряжение о том, что мы должны провести круглые столы, встречи со студентами, разъяснить, сессию пораньше закончить и так далее. Но насколько мы должны обсуждать это в нашем регионе, где совсем другие студенты? В Петропавловске январские события прошли абсолютно по-иному, не так, как в остальных регионах Казахстана. Поэтому, наоборот, может быть, лишние разговоры могут спровоцировать наших студентов. То есть сейчас они, конечно, читают, смотрят телевизор и так далее, информация к ним идет. Но какие именно темы мы должны поднимать на этих круглых столах? Мы это должны обсуждать как трагедию или как урок? Как мы это всё должны представлять нашим студентам?

И два предложения. По доверию сегодня очень интересные исследования были. Но все-таки я, как человек, который работал в двух разных регионах, считаю, что уровень доверия в регионах – разный. Может быть, не по всем пунктам, но различия есть. Мы это видим даже на примере выборов. То есть явка на выборах в Петропавловске отличается от явки на выборах здесь, в Алматы. То же самое по январским событиям – как это было в Актау, и как проходило в Петропавловске, где практически была абсолютная тишина. Петропавловск у нас – особый северный регион, приграничный, где 50 процентов населения – славяне. То есть у них восприятие январских событий было абсолютно другое, чем по всему Казахстану.

Поэтому, все-таки, если по доверию дальше будут проводиться исследования, то надо сделать именно региональные срезы. Мы как университет готовы включиться в эту работу. Сегодня было предложение о том, чтобы сделать совместную коалицию, разработать совместное исследование и так далее. С нашей стороны мы готовы включиться в эту работу.

И еще одно предложение. По поводу доверия уже было сказано. Я хотела бы тоже акцентировать внимание по поводу изучения доверия к университету в целом как к институту. И опять на примере Козыбаев университета. В этом году мы открывали филиал Аризона университета и то, что мы услышали и увидели, для нас было в какой-то мере шоком. Да, очень большой хейт был. Я думаю, вы все это слышали. Мы тогда поняли, что в этом не было никакой связи с качеством образованием. А мы хотели именно улучшить качество образования. Мы думали, что таким образом улучшится и доверие к университету. Хорошее образование – значит, доверие к университету есть. Но, оказывается, это так не работает. Мы предлагаем хорошее образование, но доверие к университету падает. В какой-то момент оно было критическое. То есть это отдельно, наверное, тоже надо изучить.

Даниал Саари: Спасибо большое за набор вопросов и рекомендаций. Вот первый вопрос из серии «Кто виноват?»: «Была ли вообще внешняя интервенция в январских событиях?» Это – первый вопрос. И второй вопрос: «Должны ли мы говорить об этом и обсуждать это открыто?» Кто хотел бы на эти вопросы ответить?

Ныгмет Ибадильдин: Давайте, я отвечу. Спасибо большое за комментарии и за вопросы. Потому что Казахстан – это не просто Алматы, Астана, это еще и регионы. Казахстан – большой и регионы отличаются друг от друга. Мы живем все вместе. И насчет Qantag как именно национальной трагедии. Понятно, что это – травма, для всех нас очень болезненная. Мы понимаем, что эта боль должна быть как-то проговорена, как-то проанализирована. Никто не хочет повторения. Что бы там ни говорили про этих потерявших от власти и денег каких-то семей, я не думаю, что они готовы поставить все на кон, как это сделали в январе. Это понятно. Насчет внешних игро-

ков. В международном контексте Qantar заслонен российско-украинской войной. То есть количество жертв в войне уже трудно даже подсчитать. Для нас 230 человек – это страшный шок. А там только детей 600 уже убили. Понятно, что мы немного в тени. Поэтому насчет внешних игроков после российского вторжения этот вопрос совершенно не праздный. Было ли инспирировано то, что все эти люди с КГБшным прошлым сидят в верхах, которые привыкли манипулировать, привыкли с чекистских времен к пыткам и так далее? Очевидно, что эти вопросы – совершенно не праздные. Очевидно, что элиты Казахстана, даже несмотря на какие-то группировки, ориентируются на разных внешних игроков. Потому что происходит легитимация внутри через выборы, так скажем, манипулируемые, где ЦИК не подсчитывает, 20 процентов явки, поэтому их легитимация всегда происходит через внешних игроков – Россия, Китай.

Как все радовались, когда Си Цзинь Пин сказал: «Мы поддерживаем территориальную целостность Казахстана». Очевидно, что люди говорят: «Да, хорошо, у нас теперь есть внешний патрон. Россия слабеет. Очевидно, что Север Казахстана со всеми 50 процентами славян – такие же граждане Казахстана со всеми правами и со всеми недостатками нашего гражданства. В силу того, что они смотрят российское ТВ, они ассоциируют себя с Россией, и все эти вещи воспринимают более болезненно. Потеря их имперских привилегий, которые были со времен СССР, болезненна. Но, тем не менее, они – такие же граждане Казахстана со всеми правами. Славяне Казахстана – по крайней мере, те, которые родились в СССР или сразу после СССР – превращаются в какой-то другой отдельный народ от русских, и, когда мобилизованные русские сюда приехали, то все почувствовали разницу между местными русскими и ими.

Помните, про немцев была шутка: «Аргнын онын Ішінде неміс». Ну, я не думаю, что до такого дойдет с этими имперскими демонами, но, тем не менее, они существуют. И вопрос о гражданстве в Казахстане однозначен: ты – гражданин, и ты – защищен. Насчет того, что говорить детям. Мне кажется, врать точно не надо. Надо говорить так, как есть. Несмотря на то, что есть региональные особенности, несмотря на то, что есть опасность, лучше это все проговаривать, чем затаивать. Это – болезнь, которую надо диагностировать. Ничего не изменилось в плане того, что студентов распускают, потому что боятся. Надо говорить о том, что понятно, что наши вузы автономны, но существует государственное финансирование, существуют чувствительные моменты. В данном случае люди сами выбирают, что говорить. И, если проблему замалчивать, она не исчезнет. Люди должны делать сами свой выбор в том числе. Иначе, если 30 лет молчать, но тем не менее, повтор Qantar гарантирован. И его не будет, если мы осознаем, что происходило и что со студентами надо работать и разъяснять, чтобы они знали, что у них есть Казахстан, у них есть гражданство, и у них есть проблемы. Лучше проговорить это все, чем опять замолчать. И, если ненавидят, значит, вы все делаете правильно. Насчет Аризоны это сто процентов так.

Вопрос из зала: Если позволите, я хотел бы вернуться к теме панельной дискуссии «Общественное доверие и социальный капитал» и попросить каждого из планеристов кратко дать свои ожидания по отношению к динамике этих двух понятий в следующем году. Очевидно, что прогнозировать достаточно сложно, тем не менее, важно знать экспертные ощущения, как будет чувствовать себя казахстанское общество в 2023 году, какие у него ожидания, на что будет запрос, будет ли расти социальный капитал, доверие и так далее.

И второй вопрос, если позволите, к Гульнаре Асанбаевой. Очевидно, что медиаграмотность крайне важна. Это – ключевой навык. С одной стороны, есть тема, связанная с fake news, достоверными новостями. С другой стороны, мы сейчас видим определенную поляризацию, и что медиа перестали быть нейтральными. Сейчас очень мало нейтральных медиа, практически нет. Они все берут какую-то позицию. На примере медирынка США мы видим, что практически все медиа – тенденциозные. В этом отношении, как вы полагаете, какой рынок сложится в Казахстане и каким он должен быть? Он должен быть идеологически выверенным, то есть все, что не входит в какую-то линию авторов, должно признаваться как не заслуживающее доверия, fake news, либо все-таки должно быть разнообразие различных мнений, пусть они даже кому-то не нравятся? Спасибо.

Даниал Саари: Спасибо за ваш вопрос. Я думаю, что, наверное, мы дадим Гульнаре высказаться по вопросу медиаграмотности, а затем все спикеры поделятся своими прогностическими сентиментами по динамике доверия и социального капитала.

Гульнара: Спасибо, вопрос отличный. Но, во-первых, медиаграмотность для журналистов – это одна из самых сложных проблем. Потому что есть предрассудок, что журналисты априори медиаграмотны. Но это далеко не так. Тот медиарынок, который на сегодня сложился, говорит, прежде всего, о том, что профессиональные стандарты журналистики, о которых мы вроде бы имеем представление, не являются отличительной особенностью действующих СМИ. Все кому-то служат, поэтому, как мы понимаем медиаграмотность для журналистов и журналистов – это прежде всего следование этическим стандартам. Ну, я не знаю, следили вы или нет, но с самого начала нашего проекта MediaCAMP 17 октября 2018-го года мы уделяем внимание этой проблеме. Это очень трудно. Конечно, на любом рынке медиаграмотности будет и желтая пресса, потому что мы понимаем, что общество разнообразно, но мы должны понимать, что желтая пресса – это желтая пресса. Есть кликбейт – мы должны понимать, что это кликбейт. И в этом должен разбираться каждый человек, от школьника до человека в возрасте, как мы называем, золотого века.

Нельзя говорить, что медиаграмотность – это какие-то тренинги, полученные единожды или там образование, когда-то полученное по выборам в университете. Медиаграмотность – это процесс: технологии постоянно развиваются, и в том числе технологии дезинформации. Мы сегодня не говорили фейках и других проблемах в силу ограниченности времени. Но тема это нас волнует в первую очередь, и мы ею занимаемся. У нас запланирован тренинг «Фактчекинг для журналистов», он будет проведен где-то в апреле. И, если у вас интерес, вы можете к нему присоединиться, где мы будем говорить именно об этих вещах.

Второе. Я дала вам ссылку на наше исследование, вы можете посмотреть на медиапотребление. Я думаю, что мы можем говорить о социальном капитале только в том случае, когда общество будет максимально медиаграмотным.

Даниал Саари: Спасибо большое, и всем участникам тоже.

Аскар Нурша: Давайте, я сначала отвечу на вопрос коллеги из Петропавловска. Мне кажется, вам нужно более активно заняться брендингом университета. По большому счету, вы сейчас находитесь там, где нужно. Я думаю, AlmaU – это то самое учебное заведение, которое является лидером в этом процессе. У этого университета стоит многому поучиться. Я думаю, не только ваш университет, а всех наших политиков надо отправить на учебу. Почему? Мы переходим к новому этапу развития нашего политического процесса, когда быть незаметным – это уже не конкурентное преимущество. А у нас наоборот: назовите какого-нибудь политика, кроме президента, у кого есть свое мнение.

По большому счету, в чем минус наших политических процессов? Это политический процесс «ноунеймов», их никто не знает. Поэтому они даже должны научиться упаковывать свои политические программы так, чтобы их поняли жители. Они должны начать процесс брендинга. В целом, мы слишком увлекаемся политологией. Части наших политологов, мне кажется, пора уже переориентироваться на политтехнологии, мыслить политтехнологически. Это – совершенно другой уровень. Можно поучиться у той же России, где до февраля был представлен достаточно солидный рынок политтехнологов. Там были выборы локальные, местные, губернаторов и так далее и тому подобное. Поэтому в целом мы тоже подходим к этому этапу, и, по большому счету, каждый политик должен думать о своей конкурентоспособности.

И последнее, о чем я хочу сказать, Qantar – это важная часть нашей современной политической истории. Но меня другое сейчас беспокоит. Меня беспокоит, например, как нам измерить уровень доверия к политическим партиям. У нас скоро впереди выборы в парламент. Вот здесь сегодня не прозвучало про степень доверия к партиям. А это – очень важно. Мне кажется,

что государство и власти должны получить обратную связь от населения, в каком направлении должен двигаться политический процесс. Потому что эти люди попадут в парламент, они будут принимать законы на следующую политическую эпоху. И с этой точки зрения давайте, может, одну из сессий этому вопросу посвятим?

Вопрос из зала: Прошу прощения, 20 ноября три партии, которые считаются друг к другу оппозиционными – РБК партия, Ак Жол и Аманат, в связи с выбором действующего президента на второй срок, консолидировались. Поэтому о доверии к политическим партиям. Ну, какое может быть доверие к народной партии Казахстана?

Аскар Нурша: Я один момент добавлю. Никто не заметил, что у нас исчезла коммунистическая партия Казахстана. Это важный фактор. Сейчас мы обсуждаем НПК, но никто не заметил того, что у нас исчезла КНПК. Это тоже очень важный показатель того, что у нас все-таки идут определенные изменения.

Даниал Саари: Вернемся к вопросу Рахима, и, так как у нас очень ограниченное время, пожалуйста, ответьте одним предложением. Будет ли какая-то динамика нашей конференции по темам?

Айман Козыбаева: Не знаю, насколько я могу высказывать свое мнение в таком экспертном сообществе, но, тем не менее, по итогам нашего исследования, я считаю, что это необходимо. Это необходимо потому, что мы увидели уровень вовлеченности, интереса, переживаний, которые были подняли в ходе нашего исследования. Я надеюсь, что это будет.

Даниал Саари: Да, спасибо большое. Да, очень важно. Вообще, общественное доверие не создается только из ожиданий. Оно еще создается из поступков, решений, вовлеченности граждан.

Уильям Сеитц: Я думаю, что исследование, которое мы провели, действительно дает нам четкий ответ о том, что будет дальше. И оно дает некоторое представление о контексте. Я думаю, что народ Казахстана возлагает очень большие надежды на своих государственных чиновников, правительство и его способность придерживаться приоритетов. Мы видели, что существует сильная взаимосвязь между некоторыми программами дефляции, вопросами, которые предлагает правительство, и вопросами, важными для представителей общественности. Существует взаимосвязь между ключевыми проблемами, которые необходимо решить, и, в конце концов, мы обнаружим, что люди очень чувствительны к восприятию процесса исполнения. Получается, для успешного построения доверия и управления способностью выполнять своего рода обязательства граждане считают, что способность действовать без промахов станет одним из решающих факторов. Это было правдой в прошлом, и я ожидал, что это будет правдой в будущем. Но я все-таки доволен, поскольку мы отметили, что большинство людей в Казахстане настроены оптимистично и движутся в правильном направлении. Так что, надеюсь, это не вызывает подозрений. Спасибо.

Даниал Саари: Так что доверие – это не только ожидания, но и действия. Ныгмет, пожалуйста.

Ныгмет Ибадильдин: Да, спасибо большое. Я хотел сказать, что мы все хотим знать, что будет в будущем, и мы все надеемся на хорошее будущее, потому что такова наша природа, пессимисты не выживают. Но я – пессимист. Я просто хотел сказать то, что такое событие в Казахстане, как Qantar, это, очевидно, политическое участие через насилие. Если нет политического участия через выборы, люди все равно будут участвовать. Если нет выборов, тогда говорит улица. Очевидно, что люди во власти осознают эти риски, и эти риски огромны лично для них. Очевидно, что эти выборы в парламент что-то покажут. Есть впечатление, что новая элита, которая пришла к власти, думает: «Пронесло! Мы опять всех обманули. Просто перенаправим

финансовые потоки в другие руки. Отодвинем «семью», придут другие «семьи» и т.д. Такое ощущение, конечно, есть. Но, понятно, что это – опять очередной тупик. Требуется намного более широкое политическое участие в тех же выборах. Я не уверен, что будет политическое участие через партии, потому что те люди, которые хотели зарегистрировать партии – Бутя, Мухтар Тайжан, Жанболат Мамай (к слову о политиках, которые на слуху, кроме Токаева), так и не зарегистрировали. По-моему, они все же декларировали, что хотят зарегистрировать партии. И мы все понимаем, что российско-украинская война всегда будет как огромный слон в комнате. Что там будет, что будет в России – распад, не распад, мобилизация, хунта, еще что-то, на Казахстан это будет иметь очень большое влияние. На риторику, на поведение, на экономические санкции, на ожидания, на страхи и так далее. Спасибо большое.

Даниал Саари: Спасибо большое. Итак, наша панель подходит концу. Я хотел поблагодарить всех спикеров, всю аудиторию. Мы подняли много вопросов для размышления. Надеемся, что динамика будет положительная. Мы подготовили от университета экземпляры книги Абая «Слова назидания» для каждого из участников. И, пожалуйста, групповое фото.

Гульнара Куренкеева: Коллеги, мы уже фотографировались. Давайте, поскольку сессия затянулась, перейдем к презентации книги Фукуямы «Сенім» на казахском языке. У нас есть два спикера, Назгуль Кожабек и Балгын Адыльбай, которые являются редакторами этой книги. Коллеги, прошу, к сцене. Перевод этой книги сделала редакция «Steppe and World». Мы очень гордимся этим издательством, которое переводит на казахский язык такие замечательные книги.

Назгуль, слово вам. Уважаемые гости, наша сессия продолжается. Почему сегодняшняя дискуссия важна? Потому что она основана на научных исследованиях. Недавно мы перевели на казахский язык книгу известного ученого-исследователя мирового уровня Фукуямы. Поэтому даю слово главному редактору издательства «Steppe and World», проделавшему такую большую работу. Назгуль, пожалуйста.

Презентация книги Франсиса Фукуямы
«Сенім» на казахском языке

Назгүл Қожабек

Главный редактор Издательского дома
«Steppe and World»

Об истории вопроса по переводу книги

Назгуль Кожабек: Спасибо, что пригласили меня на эту конференцию и дали возможность представить книгу. Прежде всего, в контексте данной конференции одним из факторов, способствующим высокому уровню доверия в обществе и к обществу в целом, является то, насколько люди читают книги. И еще – в какой степени они могут усвоить те знания, науку и литературу,

которые развиваются в стране. Это – один из важнейших факторов, показывающих, насколько этой нации доступны передовые мировые идеи.

С этой точки зрения издательство «Steppe and World», основанное в 2018 году, работает уже более четырех лет. В течение этих четырех лет мы пытаемся воплотить передовые идеи на казахском языке, стараемся максимально представить прогрессивную научную литературу. До сих пор мы издали около 50 книг, и более 80% из них – детская литература. Возможно, вы слышали, что наше издательство перевело знаменитую серию романов Джоан Роулинг «Гарри Поттер». Недавно мы выпустили на рынок седьмую книгу, она разошлась по книжным магазинам. Это был результат нашей трехлетней работы. И, наряду с семитомной серией романов, мы переводили и другие книги – для детей, взрослых, студентов и читателей любой возрастной группы. Среди книг, изданных нашим издательством в 2022 году, есть три, которыми мы больше всего гордимся – «Вера» Фрэнсиса Фукуямы, «Атом улаган дала» Тогжана Касеновой и «Да будет вода» Сеци Гея. Это – чисто научная литература.

И есть еще одна вещь, которую следует отметить в контексте этой конференции, – то, что основная работа и процессы над всеми этими книгами происходили после январских событий. Наша депрессия и рефлексия, связанные с этими событиями, отразились на лицах людей, занимающихся этой работой, что дало нам иной взгляд на текст этих книг. Будь то «Атом Улаган Даала» или «Вера» Фукуямы, мы понимаем, насколько наш труд нужен обществу, формируя, поднимая, повышая уровень доверия и грамотность в обществе. Именно эти работы показали, насколько важна и неудержима наша работа в формировании права на получение образования на родном языке, на чтение литературных произведений на родном языке, на доступ к научным произведениям со всего мира на родном языке. Поэтому мы рады представить наш труд вашему вниманию. И, хотя мы с Балгын сегодня были выбраны спикерами и участвуем здесь после выдвижения, сегодня с нами наш директор издательства Раиса Сайрановна. Если у вас возникнут вопросы, она сама на них ответит. Вот что я хотел бы кратко сказать о нашей основной работе и о нашем отношении к этой книге. Наш редактор, Балгын Адильбай, провела основную работу над текстом этой книги. Ей сейчас слово.

Балғын Әділбай

Издательский дом «Steppe and World»
О книге «Сенім»

Балгын Адильбай: Работа Фрэнсиса Фукуямы «Вера» была опубликована в 1995 году. Перед этой книгой он написал «Конец истории и последний человек». Эта книга вызвала резонанс в обществе и была переведена на несколько языков. Книга «Вера» стала ее продолжением. В первой главе автор ищет ответ на вопрос: «Каково будет состояние человечества, когда закон-

читается история?». Из этой книги вы узнаете, как на процветание страны в целом, в том числе на ее конкурентный характер, влияет общая культура этого народа, то есть высокий уровень доверия в обществе. Фукуяма разделил уровень доверия на несколько групп в иерархической структуре 30-летней давности. В этой книге – либеральные демократы, уверовавшие в веру, включая США, Германию и Японию. Другими словами, в этих странах были созданы компании-гиганты, основанные на доверии, благодаря чему экономика страны получила дальнейшее развитие.

Цитируя такие примеры, в книге говорится, что в 20-м веке в экономике страны были подобные ситуации. В начале 1970-х, когда разразился нефтяной кризис, японская компания «Mazda» и немецкая «Daimler-Benz» оказались на грани банкротства. В то время этих двоих спасли компании-партнеры из тех же стран. Ассоциация музыкальных компаний потратила все свои деньги, чтобы спасти эти две компании, которые позже стали крупнейшими и внесли большой вклад в экономику страны. То же самое произошло в Америке. Если субъекты экономики доверяют друг другу и поддерживают друг друга, то благодаря этому можно не только спасти разваливающуюся гигантскую компанию, но и развивать экономику страны.

Он также привел примеры обществ с низким уровнем доверия. В итальянском городе общественные места, такие как школы и больницы, были совершенно пусты. Местные итальянские бизнесмены не шевелили и рукой, заявив, что «государство должно построить это за нас». Точно так же были приведены разные мнения и примеры, связанные с черной расой в центральных городах Америки. Фукуяма оставляет эти примеры открытым вопросом для исследователей, приводя различные примеры таких обществ 20-го века с низким и высоким социальным статусом.

То есть я думаю, что, читая работы Фукуямы, вы найдете ответ на вопрос, как создать общество с высоким уровнем доверия, каким будет общество, когда закончится один век и начнется новый век. В этом веке считалось, что государства будут завоевывать друг друга не экономически, а культурно. Думаю, книга будет интересна всем. Спасибо за внимание.

Гульнара Куренкеева: Спасибо, Балгын. Есть вопросы? Конечно, если вы не читали книгу, то, может быть, вам сложно будет задавать вопросы. Позвольте мне поделиться с вами мыслью. Когда читаешь любую книгу, то прежде всего пытаешься представить себе эту ситуацию. И мне пришла в голову мысль, что 5-6 лет назад компания «Рахат» была продана, ее купили корейские бизнесмены. Когда я читала эту книгу, то вспомнила эту ситуацию. Почему мы не сохранили наш казахстанский бренд? Конечно, нам есть, о чем подумать и что важно учитывать для сохранения нашего уровня уверенности.

У нас в Казахстане много государственных программ, к которым не очень высокий уровень доверия. Например, большая программа «Духовное возрождение». Мы перевели 100 книг казахских и мировых бестселлеров. Назгуль и я были редакторами четырех книг, я была редактором пяти книг. Мы переводили с английского на казахский напрямую. Конечно, я думаю, что это было большое дело. Причина в том, что при переводе ответственность легла на команду переводчиков, на редакцию. Я была научным редактором, Назгуль был литературным редактором. Ответственность очень высока. Поэтому, на мой взгляд, лучшим вкладом в рамках программы «Духовное возрождение» стал перевод 100 книг на казахский язык. Это было становление казахского переводческого дела в Казахстане. В 1970-х и 1980-х годах в Казахстане была сформирована большая редакция энциклопедии казахской литературы. Это событие дало большой толчок многим научным исследованиям на казахском языке и формированию научных терминов на казахском языке. Теперь, на мой взгляд, эти 100 книг стали большим делом. Спасибо большое, Раиса, за «Steppe and World». Это большая гражданская работа, что вы взяли на себя такую важную задачу и начинаете переводить литературу мирового уровня на казахский язык. Это – не просто коммерческий вопрос, не бизнес, а гражданское дело. Это, наверное, начало веры, формирования веры. Большое спасибо.

Назгуль Кожабек: Гульнар Турдалиевна, разрешите добавить одну мысль к тому, что вы сказали. В период с 2017 по 2020 годы в рамках национальной программы «Духовное возрождение» было реализовано 100 книжных проектов. Но уровень доверия к проекту был очень низким. Ведь переводческая работа и книгоиздание в Казахстане в сфере образования развивается не так просто. Отсутствие книг по образованию и учебников полностью утратило доверие общества. А в начале 2000-х уровень доверия в обществе снизился из-за очень низкого качества крупных проектов, выпускаемых по госпрограмме.

Формируется стереотип. Все, что переводилось на казахский язык, плохо. Невозможно перевести на казахский язык, нет необходимости издавать книгу на казахском языке. Какой смысл читать на казахском вообще? Все есть на русском языке или на английском. Если мы не знаем английского, то можно выучить русский. Это показывает, что уровень доверия к общему языку, установившемуся в обществе, очень низок у людей, которые работают на этом языке, у людей, которые создают контент на этом языке, и у людей, которые издают книги на этом языке.

Сейчас постепенно формируется доверие к издательской индустрии выпуска новых казахских книг. Качество этой продукции на рынке хорошее. Есть компании, которые заслужили доверие читателей и доверие общества в целом. И мы уверены, что такое доверие есть и к нам. Ведь общественный фонд «Алтын кыран», спонсировавший перевод этой книги Фукуямы, выбрал нас, не другое издательство, не другую компанию, и сделал предложение именно нам. Для нас большая честь, когда те, кто издает эту книгу, оказывают регулярную финансовую поддержку. Название издательства – знак доверия к нашему качеству. Поэтому в этой книге слова благодарности от Исламбека Силанджанова и Алихана Байменова. Цель тех людей, которые публикуют эту книгу и оказывают финансовую поддержку этой книге, состоит в том, чтобы повысить уровень доверия в нашем обществе, улучшить его, менять на глубинном уровне. Они считают, что в случае необходимости мы можем внести свой вклад в формирование этого доверия. Это произведение опубликовано в результате труда многих людей, веры большого количества людей. Надо это принять.

Гульнар Турдалиевна: Да, это как раз для нашей конференции. Спасибо вам за это. Конференция «Общественное доверие и социальный капитал» – наша тема, которую мы проводим уже 3 года и продолжим это делать дальше. Если вы хотите переводить книги по теме нашей конференции, мы готовы сотрудничать с вами и дальше. Давайте вместе работать над дальнейшим развитием казахстанской политической науки и политического общества. Спасибо.

Коллеги, буквально пара слов для подведения итогов. Мне кажется, сегодня была очень интересная дискуссия, важная для многих. Впервые честно и откровенно обсуждалась ситуация с январскими событиями. Мы как нарыв быстро закрыли эту тему, особенно после того, как началась война в Украине. Может быть, действительно, там – глобальная ситуация, которая трогает всех больше и не только нас, казахстанцев. Но ситуация с Qantarg как незатянувшаяся рана. Она не до конца понята, проговорена, и все эти вопросы сегодня показывают, что нам надо чаще собираться и обсуждать.

Профессиональное сообщество должно быть более открыто к дискуссии по таким темам. Государство не должно бояться таких обсуждений. Только через обсуждение можно решать эту ситуацию не на улице, а через диалог. Еще один вывод, который важен для всех нас, что это исследование мы будем продолжать делать в Алматы менеджмент университете.

Спасибо большое, мы восприняли это как рекомендацию, в каком направлении развивать наши исследования. Очень интересным было направление по развитию доверия к университетам. Это – большая проблема. Мы же видим, что чаще всего людям хочется доверять западному образованию, поехать учиться за границу. Привезли сюда – возникла другая ситуация. Мы тоже изменили логотип, мы тоже имеем отношение к Arizona State University, это – наш партнер. Это два разных университета. Есть Аризона Университет, партнер Козыбаев Университета, и наш партнер – Arizona State University. И мы тоже видим иногда такую реакцию со стороны, в первую очередь, более взрослого населения, которое говорит, что американское – не всегда самое хорошее.

Давайте вместе работать, мы готовы проводить исследования в целом. В Казахстане есть хорошее образование, хорошая наука, хорошее исследовательское сообщество, есть университеты, которые заинтересованы в развитии гражданского общества. И то, что сегодня присутствуют и ректора университетов, и проректора, и разные университеты, и деканы из школ, говорит о том, что всем это интересно.

Я могу ещё одним фактом поделиться. У нас есть курс, который называется «Права человека гражданского общества», и мы со следующего года хотим сделать его обязательным для всех студентов нашего университета. Мы считаем это тоже нашим вкладом в развитие доверия и гражданского общества. Всем большое спасибо. Приглашаю на фуршет. До встречи в следующем году.